

РАЗМЫШЛЕНИЯ

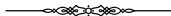
О

БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ.

Николай Васильевич Гоголь.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Храм свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине

Москва 2009

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печать позволяется.
Москва, 9-го февраля 1889 г.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко*.

Предисловіе.

Цѣлью этой книги — показать, въ какой полнотѣ и внутренней глубокой связи совершается наша литургія, юношамъ и людямъ, еще начинающимъ, еще мало ознакомленнымъ съ ея значеніемъ. Изъ множества объясненій, сдѣланныхъ Отцами и Учителями, выбраны здѣсь только тѣ, которыя доступны всѣмъ своей простотою и доступностью, которыя служатъ преимущественно къ тому, чтобы понять необходимый и правильный исходъ одного дѣйствія изъ другого *). Намѣренъ издающаго эту книгу состоитъ въ томъ, чтобы утвердился въ головѣ читателя порядокъ всего. Онъ увѣренъ, что всякому, со вниманіемъ слѣдующему за литургіею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значеніе ея раскрываться будетъ само собою.

*) Всѣ прочіе, которые бы захотѣли узнать болѣе таинственныя и глубокія объясненія, могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ патріарха Германа, Іереми, Николая Кавасила, Симеона Солунскаго, въ Старой и Новой Скрижали, въ объясненіяхъ Дмитріева и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ.....

ВСТУПЛЕНИЕ.

Божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбя отъ неустроеній своихъ, человѣчество отовсюду, со всѣхъ концовъ міра взывало къ Творцу своему — и пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишенные боговѣдѣнія — слыша, что порядокъ и стройность могутъ [быть] водворены въ мірѣ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывало все къ Виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣй слышались въ устахъ избранныхъ и пророковъ. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающейся въ созданіяхъ, предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ, — предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ того созданія своего, созданнаго по Его образу и подобію. Вочеловѣченіе Бога на землѣ

представлялось всѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о божествѣ. Но нигдѣ такъ ясно не говорилось объ этомъ, какъ у пророковъ богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышиваемо даже и язычниками; но нигдѣ въ такой ощутительно видной ясности, какъ у пророковъ.

Вопли услышались: явился въ міръ, Имъ же міръ бысть; среди насъ явился въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества, но не въ томъ только, въ какомъ представляли Его неочищенные понятія — не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленій, не какъ судія, приходящій истребить однихъ и наградить другихъ. Нѣтъ! слышалось кроткое лобзаніе брата. Совершилось его появленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ, какъ прообразовали его божественно пророки, получившее повелѣніе отъ Бога...

ПРОСКОМИДІЯ.

Священникъ, которому предстоитъ совершать литургію, долженъ еще съ вечера трезвиться тѣломъ и духомъ, долженъ быть примирень со всѣми, долженъ опасаться питать какое-нибудь неудовольствіе на кого бы то ни было. Когда же наступитъ время, идетъ онъ въ церковь; вмѣстѣ съ діакономъ поклоняются они оба предъ царскими вратами, цѣлуютъ образъ Спасителя, цѣлуютъ образъ Богородицы, поклоняются ликамъ святыхъ всѣхъ, поклоняются всѣмъ предстоящимъ направо и налѣво, испрашивая симъ поклономъ себѣ прощенія у всѣхъ, и входятъ въ алтарь, произнося въ себѣ псаломъ: «Вниду въ домъ Твой, поклонюся храму Твоему во страсть Твоемъ». И, приступивъ къ престолу [лицомъ къ востоку], повергають предъ нимъ три наземные поклона и цѣлуютъ на немъ пребывающее евангеліе, какъ бы Самого Господа, сидящаго на престолѣ;

цѣлуютъ потомъ и самую трапезу и приступаютъ къ облаченію себя въ священныя одежды, чтобы отдѣлиться не только отъ другихъ людей,—и отъ самихъ себя, ничего не напомнить въ себѣ другимъ похожаго на человѣка, занимающагося ежедневными житейскими дѣлами. И произнося въ себѣ: «Боже! очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» священникъ [и діаконъ] берутъ въ руки одежды. Сначала одѣвается діаконъ; испросивъ благословеніе у іерея, надѣваетъ стихарь, подризникъ блистающаго цвѣта, во знаменованіе свѣтоносной ангельской одежды и въ напominанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна съ саномъ священства, почему и произносить при воздѣваніи его: «Возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя; яко жениху, возложи ми вѣнецъ и, яко невѣсту, украси мя красотою». — Затѣмъ беретъ, поцѣловавъ, ораль, узкое длинное лентіе, принадлежность діаконскаго званія, которымъ подаетъ онъ знакъ къ начинанью всякаго дѣйствія церковнаго, воздвигая народъ къ моленію, пѣвцовъ къ пѣнію, священника къ священнодѣйствію, себя къ ангельской быстротѣ и готовности во служеніи. Ибо званье діакона, что званье ангела на небесахъ, и самымъ симъ на него воздѣтымъ тонкимъ лентіемъ, развѣвающимся какъ бы въ подобіе воздушнаго крыла, и быстрымъ

хожденіемъ своимъ по церкви изобразуетъ онъ, по слову Златоуста, ангельское летаніе. Лентіе это, поцѣловавъ, онъ набрасываетъ себѣ на плечо. Потомъ надѣваетъ онъ поручи или нарукавницы, которыя стягиваются у самой кисти его руки для сообщенія имъ бѣльшей свободы и ловкости въ отправленіи предстоящихъ священнодѣйствій. Надѣвая ихъ, помышляетъ о всетворящей, содѣйствующей повсюду силѣ Божіей и, воздѣвая на правую, произноситъ онъ: «Десница Твоя, Господи, прославилася въ крѣпости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила враговъ и множествомъ славы Своей Ты истребилъ супостатовъ». Воздѣвая на лѣвую руку, помышляетъ о самомъ себѣ, какъ о твореніи рукъ Божіихъ и молить у Него же, его же сотворившаго, да руководить его верховнымъ, свышнимъ Своимъ руководствомъ, говоря такъ: «Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоимъ заповѣдямъ».

Священникъ облачается такимъ же самымъ образомъ. Вначалѣ благословляетъ и надѣваетъ стихарь, сопровождая сіе тѣми же словами, какими сопровождалъ и діаконъ; но, вслѣдъ за стихаремъ надѣваетъ уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрывъ оба плеча и обнявъ шею, соединяется обоими концами на груди его вмѣстѣ и сходитъ въ соединенномъ видѣ до самага

низу его одежды, знаменуя симъ соединеніе въ его должности двухъ должностей — іерейской и діаконской. И называется онъ уже не ораремъ, но эпитрахилью, и самимъ воздѣваньемъ своимъ знаменуетъ изліяніе благодати свыше на священниковъ, почему и сопровождается это величественными словами Писанія: «Благословенъ Богъ, изливающій благодать Свою на священники Своя, яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ надѣваетъ поручи на обѣ руки свои, сопровождая тѣми же словами, какъ и діаконъ, и препоясуетъ себя поясомъ сверхъ подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды въ отправленіи священнодѣйствій и дабы симъ препоясаніемъ выразить готовность свою, ибо препоясуется человекъ, готовясь въ дорогу, приступая къ дѣлу и подвигу: препоясуется и священникъ, собираясь въ дорогу небеснаго служенія, и взираетъ на поясъ свой, какъ на крѣпость силы Божіей, его укрѣпляющей, почему и произноситъ: «Благословенъ Богъ, препоясующій мя силою, содѣлавшій путь мой непорочнымъ, быстрѣйшими еленей мои ноги и поставляющій меня на высокихъ», то-есть, въ дому Господнемъ. Если же онъ облеченъ при этомъ званіемъ высимъ іерейства, то привѣшиваетъ къ бедру своему четырехугольный набедренникъ однимъ

изъ четырехъ концовъ его, который знаменуєть духовный мечъ, всепобѣждающую силу слова Божія, въ возвѣщеніе вѣчнаго ратоборства, предстоящаго въ мірѣ чловѣку,— ту побѣду надъ смертію, которую одержалъ въ виду всего міра Христосъ, да ратоборствуетъ бодро безсмертный духъ чловѣка противъ тлѣнія своего. Потому и видъ имѣеть сильнаго оружія брани сей набедренникъ; привѣшивается на поясѣ у чресла, гдѣ сила у чловѣка, потому и сопровождается воззваніємъ къ Самому Господу: «Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставитъ тя дивно десница Твоя». Наконецъ, надѣваетъ іерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, въ знаменованіе верховной всепокрывающей правды Божіей и сопровождаетъ сими словами: «Священники Твои, Господи, облекутся въ правду и преподобніи Твои радостію возрадуются». И одѣтый такимъ образомъ въ орудія Божіи, священникъ предстоитъ уже инымъ чловѣкомъ: каковъ онъ ни есть самъ по себѣ, какъ бы ни мало былъ достоинъ своего званія, но глядятъ на него всѣ стоящіе во храмѣ [какъ на] орудіе Божіе, которымъ наляцаєтъ Духъ Святый. Какъ священникъ, такъ и діаконъ омывають оба руки, сопровождая чтеніємъ псалма: «Умью въ невинныхъ руки мои и обыду

жертвенникъ Твой». Повергая по три поклона въ сопровожденіи словъ: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй», возстають омытые, усвѣтленные, подобно сіяющей одеждѣ своей, ничего не напоминая въ себѣ подобнаго другимъ людямъ, но подобая скорѣе сіяющимъ видѣніямъ, чѣмъ людямъ.

Діаконъ напоминаетъ о началѣ священнодѣйствія словами: «Благослови, владыко!» И священникъ начинаетъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ», и приступаетъ къ боковому жертвеннику. Вся эта часть служенія состоитъ въ приготовленіи нужнаго къ служенію, то-есть, въ отдѣленіи отъ приношеній или хлѣбовъ-просфоръ того хлѣба, который долженъ вначалѣ образовать тѣло Христово, а потомъ пресуществиться въ него.

Такъ какъ вся проскомидія есть не что иное, какъ только приготовленіе къ самой литургіи, то и соединила съ нею Церковь воспоминаніе о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьемъ къ его подвигамъ въ мірѣ. Она совершается вся въ алтарѣ при затворенныхъ дверяхъ, при задернутомъ занавѣсѣ, незримо отъ народа, какъ и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо отъ народа. Для молящихся же читаются въ это время часы — собранье псалмовъ и молитвъ, которые читались христіанами въ четыре

важныя для христіанъ времена дня: часъ первый, когда начиналось для христіанъ [утро], часъ третій, когда было сошествіе Духа Святаго, часъ 6-й, когда Спаситель міра пригвожденъ былъ къ кресту, часъ девятый, когда Онъ испустилъ духъ Свой. Такъ какъ нынѣшнему христіанину, по недостатку времени и безпрестаннымъ развлеченіямъ, не бываетъ возможно совершать эти моленія въ означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступивъ къ боковому жертвеннику, или предложенію, находящемуся въ углубленіи стѣны, знаменующему древнюю боковую комору храма, іерей беретъ изъ нихъ одну изъ просфоръ съ тѣмъ, чтобы изъять ту часть, которая станетъ потомъ тѣломъ Христовымъ — средину съ печатью, ознаменованной именемъ Іисуса Христа. Такъ онъ симъ изъятіемъ хлѣба отъ хлѣба знаменуетъ изъятіе плоти Христа отъ плоти Дѣвы — рожденіе Безплотнаго во плоти. И, помышляя, что рождается Принесшій въ жертву Себя за весь міръ, соединяетъ неминуемо мысль о самой жертвѣ и принесены и глядитъ на хлѣбъ, какъ на агнца, приносимаго въ жертву, на ножъ, которымъ долженъ изъять, какъ на жертвенный, который имѣетъ видъ копья въ напоминаніе копья, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. Не сопровождаетъ онъ теперь своего дѣйствія ни словами Спасителя, ни словами свидѣтелей, современныхъ

случившемуся, не переносить себя въ минувшее,— въ то время, когда совершилось сіе принесеніе въ жертву: то предстоитъ впереди, въ послѣдней части литургіи; и къ сему предстоящему онъ обращается издали прозрѣвающею мыслію, почему и сопровождаетъ все священнодѣйствіе словами пророка Исаи, издали, изъ тьмы вѣковъ, прозрѣвавшаго будущее чудное рожденіе, жертвоприношеніе и смерть и возвѣстившаго о томъ съ ясностью непостижимою. Водружая копье въ правую сторону печати, произноситъ слова Исаи: «какъ овечка ведется на закланіе»; водрузивъ копье потомъ въ лѣвую сторону, произноситъ: «и какъ непорочный ягненокъ, безгласный передъ стригущими его, не отверзаетъ устъ своихъ»; водружая потомъ копье въ верхнюю сторону печати: «Былъ осужденъ за Свое смиренье [въ смиреньи Его судъ Его взятся]». Водрузивъ потомъ въ нижнюю, произноситъ слова пророка, задумавшагося надъ дивнымъ происхожденіемъ осужденнаго Агнца,— слова: «Родъ же Его кто исповѣсть?» И приподъемлетъ потомъ копьемъ вырѣзанную средину хлѣба, произнося: «яко возьмется отъ земли животъ Его»; и начертываетъ крестовидно, во знаменіе крестной смерти Его, на немъ знакъ жертвоприношенія, по которому онъ потомъ раздробится во время предстоящаго священнодѣйствія, произнося: «Жертвоприносится

Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра сего, за мірской животъ и спасеніе». И обративъ потомъ хлѣбъ печатью внизъ, а вынутой частью вверхъ, въ подобіе агнца, приносимаго въ жертву, водружаетъ копье въ правый бокъ, напоминая, вмѣстѣ съ заколеньемъ жертвы, прободеніе ребра Спасителя, совершенное копьемъ стоявшаго у креста воина; и произноситъ: «единъ отъ воинъ копіемъ ребра Его прободе, и абіе изыде кровь и вода: и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его». И слова сіи служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ діакону ко влітію въ святую чашу вина и воды. Діаконъ, доселѣ взиравшій благоговѣйно на все совершаемое іереемъ, то напоминая ему о начинаніи священнодѣйствія, то произнося внутри самого себя: «Господу помолимся!» при всякомъ его дѣйствіи, наконецъ вливаетъ вина и воды въ чашу, соединивъ ихъ вмѣстѣ и испросивъ благословенія у іерея. Такимъ образомъ приготовлены и вино, и хлѣбъ, да обратятся потомъ во время возвышеннаго священнодѣйствія предстоящаго.

И во исполненіе обряда первенствующей церкви и святыхъ первыхъ христіанъ, воспоминавшихъ всегда, при помышленіи о Христѣ, о всѣхъ тѣхъ, которые были ближе къ Его сердцу исполненіемъ Его заповѣдей и святостью жизни своей, приступаетъ священникъ къ другимъ просфорамъ, дабы, изъявъ отъ нихъ части въ воспоминаніе ихъ, положить на

томъ же дискосѣ възлѣ того же святаго хлѣба, образующаго Самого Господа, такъ какъ и сами они пламенѣли желаніемъ быть повсюду съ своимъ Господомъ. Взявши въ руки вторую просфору, изъемлетъ онъ изъ нея частицу въ воспоминаніе Пресвятыя Богородицы и кладетъ ее по правую сторону святаго хлѣба, произнося изъ псалма Давида: «Предста Царица одесную Тебя, въ ризы позлащенны одѣяна, преукрашенна». Потомъ беретъ третью просфору, въ воспоминанье святыхъ, и тѣмъ же копьемъ изъемлетъ изъ нея девять частицъ въ три ряда, по три въ каждомъ. Изъемлетъ первую частицу во имя Іоанна Крестителя, вторую во имя пророковъ, третью во имя апостоловъ и симъ завершаетъ первый рядъ и чинъ святыхъ. Затѣмъ изъемлетъ четвертую частицу, во имя святыхъ отцовъ, пятую во имя мучениковъ, шестую во имя преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ и матерей и завершаетъ симъ второй рядъ и чинъ святыхъ. Потомъ изъемлетъ седьмую частицу во имя чудотворцевъ и безсребренниковъ, восьмую во имя Богоотецъ Іоакима и Анны и святаго, егоже день; девятую во имя Іоанна Златоуста или Василія Великаго, смотря по тому, кого изъ нихъ правится въ тотъ день служба, и завершаетъ симъ третій рядъ и чинъ святыхъ, и полагаетъ всѣ девять изъятыхъ частицъ на святой дискосъ възлѣ святаго хлѣба по лѣвую его сторону.

И Христосъ является среди своихъ ближайшихъ, во святыхъ Обитающій зрится видимо среди святыхъ своихъ — Богъ среди боговъ, человѣкъ посреди человѣковъ. И принимая въ руки священникъ четвертую просфору въ поминавенье всѣхъ живыхъ, изъемлетъ изъ нея частицы во имя императора, во имя синода и патріарховъ, во имя всѣхъ живущихъ повсюду православныхъ христіанъ и наконецъ во имя каждого изъ нихъ поименно, кого захочетъ помянуть, о комъ просили его помянуть. Затѣмъ беретъ іерей послѣднюю просфору, изъемлетъ изъ нея частицы въ поминавенеіе всѣхъ умершихъ, прося въ то же время объ отпущеніи имъ грѣховъ ихъ, начиная отъ патріарховъ, царей, создателей храма, архіерея, его рукоположившаго, если онъ уже находится въ числѣ усопшихъ, и до послѣдняго изъ христіанъ, изъемя отдѣльно во имя каждого, о которомъ его просили или во имя котораго онъ самъ восхочетъ изъять. Въ заключеніе же всего испрашиваетъ и себѣ отпущенія во всемъ и также изъедетъ частицу за себя самого, и всѣ ихъ полагаетъ на дискосъ возлѣ того же святаго хлѣба внизу его. Такимъ образомъ, вокругъ сего хлѣба, сего агнца, изображающаго Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесахъ, и воинствующая здѣсь. Сынъ Человѣческій является среди человѣковъ, ради которыхъ Онъ воплотился и сталъ человѣкомъ. Взявъ

губку, священникъ бережно собираетъ ею и самыя крупы на дискосъ, дабы ничто не пропало изъ святаго хлѣба, и все бы пошло въ утверженіе.

И отошедши отъ жертвенника, поклоняется іерей, какъ бы онъ поклонялся самому воплощенію Христову, и привѣтствуетъ въ семь видѣ хлѣба, лежащаго на дискосѣ, появленіе Небеснаго Хлѣба на землѣ, и привѣтствуетъ его кажденіемъ ѳиміама, благословивъ прежде кадило и читая надъ нимъ молитву: «Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ воню благоуханія духовнаго, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенникъ, возниспосли намъ благодать Пресвятаго Твоего Духа».

И весь переносится мыслию іерей во время, когда совершилось рождество Христово, возвращая прошедшее въ настоящее, и глядитъ на этотъ боковой жертвенникъ, какъ на таинственный вертепъ, въ который переносилось на то время небо на землю: небо стало вертепомъ, и вертепъ — небомъ. Обкадивъ звѣздицу [двѣ золотыя дуги со звѣздою наверху] и постановивъ ее на дискосѣ, глядитъ на нее, какъ на звѣзду, свѣтившую надъ Младенцемъ, сопровождая словами: «И, пришедши, звѣзда стала вверху, идѣ же бѣ Отроча»; на святой хлѣбъ, отдѣленный на жертвоприношеніе, — какъ на Новородившагося Младенца; на дискосъ — какъ на ясли, въ которыхъ лежалъ Младенецъ; на покровы — какъ на пелены,

покрывавшія Младенца. И обкадивъ первый покровъ, покрываетъ имъ снятый хлѣбъ съ дискомъ, произнося псаломъ: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...» и проч.,— псаломъ, въ которомъ воспѣвается дивная высота Господня. И обкадивъ второй покровъ, покрываетъ имъ святую чашу, произнося: «Покрыла небеса, Христось, Твоя добродѣтель, и хвалы Твоей исполнилась земля». И взявъ потомъ большой покровъ, называемый святымъ воздухомъ, покрываетъ имъ и дискось, и чашу вмѣстѣ, взывая къ Богу, да покроетъ насъ кровомъ крыла Своего. И отошедъ отъ предложенія, поклоняются оба святому хлѣбу, какъ поклонялись пастыри-цари Новорожденному Младенцу, и кадитъ предъ вертепомъ, изображая въ семъ кажденіи то благоуханіе ладана и смирны, которые были принесены вмѣстѣ съ златомъ мудрецами.

Діаконъ же попрежнему соприсутствуетъ внимательно іерею, то произнося при всякомъ дѣйствіи: «Господу помолимся», то напоминая ему о начинаніи самаго дѣйствія. Наконецъ, принимаетъ изъ рукъ его кадильницу и напоминаетъ ему о молитвѣ, которую слѣдуетъ вознести ко Господу о сихъ для Него приуготовленныхъ дарахъ, словами: «О предложенныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся!» И священникъ приступаетъ къ молитвѣ. Хотя дары эти не болѣе какъ приуготовлены только къ самому

приношенію, но такъ какъ отнынѣ ни на что другое уже не могутъ [быть] употреблены, то и читаетъ священникъ для себя одного молитву, предваряющ[ую] о принятіи сихъ предложенныхъ къ предстоящему приношенію даровъ. И въ такихъ словахъ его молитва: «Боже, Боже нашъ, пославшій намъ небесный хлѣбъ, пищу всего міра, нашего Господа и Бога Іисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, Самъ благослови предложеніе сіе и пріими во свыше-небесный Твой жертвенникъ: помяни, какъ благой и человеколюбецъ, тѣхъ, которые принесли, тѣхъ, ради которыхъ принесли, и насъ самихъ сохранивъ неосужденными во священнодѣйствіи божественныхъ тайнъ Твоихъ». И творить, вслѣдъ за молитвой, отпускъ проскомидіи; а діаконъ кадитъ предложеніе и потомъ крестовидно святую трапезу. Помышляя о земномъ рожденіи Того, Кто родился прежде всѣхъ вѣковъ, присутствуя всегда повсюду и повсемѣстно, произноситъ въ самомъ себѣ: «во гробъ плотски, во адъ же съ душою, яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй Неописанный». И выходитъ изъ алтаря, съ кадильницей въ рукѣ, чтобы наполнить благоуханіемъ всю церковь и привѣтствовать всѣхъ, собравшихся на святую трапезу любви. Кажденіе это совершается всегда въ

началъ службы, какъ и въ жизни домашней всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ предлагались всякому гостю при входѣ омовенія и благовонія. Обычай этотъ перешелъ цѣликомъ на это пиршество небесное — на тайную вечерю, носящую имя литургіи, въ которой такъ чудно соединилось служеніе Богу вмѣстѣ съ дружескимъ угощеніемъ всѣхъ, которому примѣръ показалъ Самъ Спаситель, всѣмъ услужившій и умывшій ноги. Кадя и поклоняясь всѣмъ равно, и богатому, и нищему, діаконъ, какъ слуга Божій, привѣтствуетъ ихъ всѣхъ, какъ наилюбезныхъ гостей Небесному Хозяину, кадитъ и поклоняется въ то же время и образамъ святыхъ, ибо и они суть гости, пришедшіе на тайную вечерю: во Христѣ всѣ живы и неразлучны. Приготовивъ, наполнивъ благоуханіемъ храмъ и, возвратившись потомъ въ алтарь и вновь обкадивъ его, полагаетъ наконецъ кадильницу въ сторону, подходитъ къ іерею, и оба вмѣстѣ становятся передъ святымъ престоломъ.

Ставъ передъ святымъ престоломъ, священникъ и діаконъ три раза поклоняются долу и, готовятся начинать настоящее священнодѣйствіе литургіи, призываютъ Духа Святаго, ибо все служеніе ихъ должно быть духовно. Духъ — учитель и наставникъ молитвы: «о чесомъ бо помолимся, не вѣмы», говоритъ апостолъ Павелъ: «но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханьи неизглаголаннѣми».

Моля Святаго Духа, дабы вселился въ нихъ и, вселившись, очистилъ ихъ для служенія, и священникъ, и діаконъ дважды [произносятъ] пѣснь, которою привѣтствовали ангелы рождество Іисуса Христа: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». И вослѣдъ за сей пѣснью отдергивается церковная занавѣсъ, которая отдергивается только тогда, когда слѣдуетъ поднять мысль молящихся къ высшимъ горнимъ предметамъ. Здѣсь отъятіе горнихъ дверей знаменуетъ, вослѣдъ за пѣсней ангеловъ, что не всѣмъ было открыто рождество Христово, что узнали о немъ только ангелы на небесахъ, Марія съ Іосифомъ, волхвы, пришедшіе поклониться, да издалека прозрѣвали о немъ пророки. Священникъ и діаконъ произносятъ въ себѣ: «Господи! отверзи уста мои — и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою». Священникъ цѣлуетъ евангеліе, діаконъ цѣлуетъ святую трапезу и, подклонивъ главу свою, напоминаетъ такъ о начинаніи литургіи: тремя перстами руки подымлетъ оранъ свой и произноситъ: «Время сотворить Господу: благослови, владыко!» И благословляетъ его священникъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И помышляя діаконъ о предстоящемъ ему служеніи, въ которомъ должно подобиться ангельскому летанью, — отъ престола къ народу и отъ народа къ престолу,

собирая всѣхъ въ едину душу, и быть, такъ сказать, святой возбуждающею силою, и чувствуя недостойнство свое къ такому служенію,—молить смиренно іерея: «Помолись обо мнѣ, владыко!» — «Да исправитъ Господь стопы твоя!» ему отвѣтствуетъ на то іерей. «Помяни меня, владыко святыи!» — «Да помянетъ тебя Господь во царствіи Своемъ, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Тихо и ободреннымъ гласомъ діаконъ произноситъ: «аминь», и выходитъ изъ алтаря сѣверной дверью къ народу. И, взошедъ на амвонъ, находящійся противъ царскихъ вратъ, повторяетъ еще разъ въ самомъ себѣ: «Господи, отверзи уста моя — и уста моя возвѣстятъ хвалу Тебѣ»; и, обратившись къ алтарю, взываетъ еще разъ къ іерею: «Благослови, владыко!» Изъ глубины святилища возглашаетъ на то іерей: «Благословенно царство...», и литургія начинается.

ЛИТУРГІЯ ОГЛАШЕННЫХЪ.

Вторая часть литургіи называется литургіей оглашенныхъ. Какъ первая часть, проскомидія, соотвѣтствовала первоначальной жизни Христа, Его рожденію, открытому только ангеламъ да немногимъ людямъ, Его младенчеству и пребыванію въ сокровенной неизвѣстности до времени появленія въ міръ,—такъ вторая соотвѣтствуетъ Его жизни въ мірѣ посреди людей, которыхъ огласилъ Онъ словомъ истины. Называется она литургіей оглашенныхъ еще потому, что въ первоначальныя времена христіанъ къ ней допускались и тѣ, которые только готовились быть христіанами, еще не приняли св. крещенія и находились въ числѣ оглашенныхъ. Притомъ самый образъ ея священнодѣйствій, состоя изъ чтеній пророковъ, апостола и св. евангелія, есть уже преимущественно огласительный.

Іерей начинаетъ литургію возглашеніемъ изъ глубины алтаря: «Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа.....» Такъ какъ чрезъ воплощеніе Сына стало міру очевидно ясно таинство Троицы, то по этому самому троичное возглашеніе предшествуетъ и предсѣяетъ начинанію всякихъ дѣйствій, и молящійся, отрѣшившись отъ всего, долженъ съ перваго разу поставить себя въ царствѣ Троицы.

Стоя на амвонѣ, лицомъ къ царскимъ вратамъ, изобразая въ себѣ ангела, побудителя людей къ моленіямъ, поднявъ тремя перстами десныя руки узкое лентіе,—подобіе ангельскаго крыла,—діаконъ призываетъ молиться весь собравшійся народъ тѣми же самыми молитвами, которыми неизмѣнно отъ апостольскихъ временъ молится Церковь, начиная съ моленія о мирѣ, безъ котораго нельзя молиться. Собраніе молящихся, знаменуясь крестомъ, стремясь обратить свои сердца въ согласно настроенныя струны органа, по которымъ должно ударять всякое воззваніе діакона, восклицаетъ мысленно вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!»

Стоя на амвонѣ, держа молитвенный орарь, изобразующій поднятое крыло ангела, стремящаго людей къ молитвѣ, призываетъ діаконъ молиться: о свышнемъ мірѣ и спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей

и соединеніи всѣхъ; о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрой, благоговѣніемъ и страхомъ; о государѣ, синодѣ, начальствахъ духовныхъ и гражданскихъ, палатахъ, воинствѣ, о градѣ, объ обители, въ которой служится литургія, о благораствореніи воздуховъ, объ обиліи плодовъ земныхъ, о временахъ мирныхъ; о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ и о спасеніи ихъ; о избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И собирая все сею всеобъемлющею цѣпью моленій, называемою великой эктеніей, на всякое ея отдѣльное призваніе собраніе молящихся восклицаетъ вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!»

Въ знаменованіе безсилія нашихъ моленій, которымъ недостаетъ душевной чистоты и небесной жизни, призываетъ діаконъ,—вспомня о тѣхъ, которые умѣли лучше нашего молиться,—предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. Въ желаніи искреннемъ предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь (нашу) Христу Богу, какъ умѣли это сдѣлать вмѣстѣ съ Богоматерью святые и лучшіе насъ, взываетъ вся церковь совокупно съ ликомъ: «Тебѣ, Господи!» Цѣпь моленій завершаетъ діаконъ троичнымъ славословіемъ, которое, какъ вседержущая нить, проходитъ сквозь всю литургію, начиная и оканчивая

всякое ея дѣйствіе. Собраніе молящихся отвѣтствуетъ утвердительно: «Аминь: Буди! да будетъ!» Діаконъ сходитъ съ амвона; начинается пѣніе антифоновъ.

Антифоны,—противугласники, пѣсни, выбранныя изъ псалмовъ, пророчески изображающія пришествіе въ міръ Сына Божія,—поются попеременно обоими ликами на обоихъ крылосахъ; они замѣнили сокращенно прежнія псаломскія, болѣе продолжительныя.

Пока продолжается пѣніе перваго антифона, священникъ молится въ алтарѣ внутренней молитвой; а діаконъ стоитъ въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, поднявъ орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пѣніе перваго антифона, восходитъ онъ снова на амвонъ призывать собраніе молящихся словами: «Вновь и вновь Господу помолимся!» Собраніе молящихся восклицаетъ. «Господи, помилуй!» Обративъ взоры къ ликамъ святыхъ, діаконъ напоминаетъ вспомнить вновь Богоматерь и всѣхъ святыхъ, предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу. Собраніе восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ заключаетъ онъ. Утвердительный «аминь» изглашаетъ вся церковь. Слѣдуетъ пѣніе второго антифона.

Въ продолженіе второго антифона священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвою. Діаконъ

становится опять въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончаніи же пѣнны, восходитъ онъ снова на амвонъ и обращается къ ликамъ святыхъ, призывая, какъ прежде, словами: «Въ мирѣ Господу помолимся!» Собрание восклицаетъ: «Господи, [помилуй!» Діаконъ взываетъ]: «Заступи, помилуй, спаси и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію». Собрание восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Возведя глаза къ ликамъ святыхъ, [діаконъ продолжаетъ]: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянуше, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Собрание восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ оканчивается моление; утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ вся церковь; діаконъ сходитъ съ амвона. А священникъ въ закрытомъ алтарѣ молится внутренней молитвой; она — въ сихъ словахъ: «Ты, даровавшій намъ сіи общія и согласныя молитвы! Ты, общавшій двумъ и тремъ, собравшимся во имя Твое, подать прошенья! исполни же теперь къ полезному прошенья рабовъ Твоихъ: подай въ настоящемъ вѣкѣ познанье Твоей истины, а въ будущемъ даруй вѣчную жизнь!»

Съ крылоса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвѣстившія въ настоящемъ вѣкѣ

познанье истины, а въ будущемъ вѣчную жизнь. Собрание молящихся, взывая воззваньемъ благоразумнаго разбойника, возопившаго къ Христу на крестѣ: «Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ», повторяетъ вослѣдъ за чтеніемъ сіи слова Спасителя:

«Блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное» — не гордящіеся, не возносящіеся умомъ.

«Блаженны плачущіе, яко тѣи утѣшатся» — плачущіе еще больше о собственныхъ несовершенствахъ и прегрѣшеніяхъ, чѣмъ отъ оскорбленій и обидъ, имъ наносимыхъ.

«Блаженны кроткіе, яко тѣи наслѣдуютъ землю» — не питающіе гнѣва ни противу кого, всепрощающіе, любящіе, которыхъ оружіе — всепобѣждающая кротость.

«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся» — алчущіе небесной правды, жаждущіе возстановить ее прежде въ самихъ себѣ.

«Блаженны милостивые, яко тѣи помилованы будутъ» — состраждущіе о каждомъ братѣ, въ каждомъ просящемъ видящіе Самого Христа, за него просящаго.

«Блаженны чистые сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ» — какъ въ чистомъ зеркалѣ успокоенныхъ водъ, не возмущаемыхъ ни пескомъ, ни тиной, отражается чисто небесный сводъ, такъ и въ зеркалѣ

чистаго сердца, невозмущаемаго страстями, уже нѣтъ ничего человѣческаго, и образъ Божій въ немъ отражается одинъ.

«Блаженны миротворцы, яко тѣи сынове Божиі нарекутся» — подобно Самому Сыну Божию, сходявшему на землю затѣмъ, чтобы внести миръ въ наши души: такъ и вносящіе миръ и примиренье въ дома — истинные Божьи сыны.

«Блаженны изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное» — изгнанные за возвѣщенье правды не одними устами, но благоуханьемъ всей своей жизни.

«Блаженны есте, егда поносятъ васъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ» — многа, ибо заслуга ихъ троекратна: первая — что уже сами по себѣ они были невинны и чисты; вторая — что, бывъ чисты, были оклеветаны; третья — что, бывъ оклеветаны, радовались, что потерпѣли за Христа.

Собранье молящихся слезно повторяетъ вослѣдъ за чтеніемъ сіи слова Спасителя, возвѣстившія, кому можно ждать и надѣяться на вѣчную жизнь въ будущемъ вѣкѣ, которые суть истинные цари міра, сонаслѣдники и соучастники небеснаго царства.

Здѣсь торжественно открываются царскія врата, какъ бы врата самого царствія небеснаго, и глазамъ

всѣхъ собравшихся предстаєть сіяющій престолъ, какъ селенье Божіей славы и верховное училище, отколѣ исходитъ къ намъ познанье истины и возвѣщается *вѣчная жизнь*. Приступивъ къ престолу, священникъ и діаконъ снимають съ него евангеліе и несутъ его къ народу, не царскими вратами, но позади алтаря боковой дверью, напоминающею дверь въ той боковой комнатѣ, изъ которой въ первыя времена выносились книги на середину храма для чтенія.

Собранье молящихся взираєтъ на евангеліе, несомое въ рукахъ смиренныхъ служителей церкви, какъ бы на Самого Спасителя, исходящаго въ первый разъ на дѣло божественной проповѣди: исходитъ онъ тѣсною сѣверной дверью, какъ бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всѣмъ, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божіи посреди храма останавливаются; оба преклоняють главы. Іерей молится внутреннею молитвой, чтобы Установившій на небесахъ воинства ангеловъ и чины небесные въ служеніе славы Своей повелѣлъ теперь симъ самымъ силамъ и ангеламъ небеснымъ, сослужащимъ намъ, совершить вмѣстѣ съ ними вшествіе во святилище. А діаконъ, указывая молитвеннымъ ораремъ на царскія двери, говоритъ ему: «Благослови, владыко, святыи входъ!» — «Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, всегда, нынѣ,

и присно, и во вѣки вѣковъ!» возглашаетъ на это іерей. Давъ поцѣловать ему святое евангеліе, діаконъ несетъ его въ алтарь; но въ царскихъ вратахъ останавливается и, возвысивъ его въ рукахъ своихъ, возглашаетъ: «Премудрость!» знаменуя симъ, что Слово Божіе, Его сынъ, Его Вѣчная Премудрость благоувѣстила міру чрезъ евангеліе, которое онъ теперь возвысилъ въ своихъ рукахъ. И вслѣдъ затѣмъ возглашаетъ: «Прости!» т.-е. воспряньте, воздвигнитесь отъ лѣни, отъ небрежнаго стоянія. Собраніе молящихся, воздвигаясь духомъ, вмѣстѣ съ хоромъ взываетъ: «Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу! Спаси насъ, Сыне Божій, Тебѣ поющихъ: Аллилуія!» Въ еврейскомъ словѣ *аллилуія* выражается: «Господь идетъ, хвалите Господа»; но такъ какъ, по существу священнаго языка, въ словѣ: *идетъ* сокрыто и настоящее и будущее, то-есть: идетъ пришедшій и вновь грядущій, то, знаменуя вѣчное хожденіе Божіе, это слово *аллилуія* сопутствуетъ всякій разъ тѣмъ священнодѣйствіямъ, когда Самъ Господь исходитъ къ народу въ образѣ евангелія или даровъ святыхъ.

Евангеліе, возвѣстившее слово жизни, поставляется на престолѣ. На крылосахъ раздаются или пѣсни въ честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны въ честь святому, котораго день празднуетъ Церковь за то, что онъ уподобился тѣмъ, которыхъ

поименовалъ Христосъ въ прочитанныхъ блаженствахъ, и что живымъ примѣромъ Собственной жизни показалъ, какъ возлетать вослѣдъ за Нимъ въ жизнь вѣчную.

По окончаніи тропарей наступаетъ время трисвятаго пѣнія. Испросивъ на него у іерея благословенія, діаконъ показывается въ царскихъ дверяхъ и, поводя ораремъ, подаетъ знакъ пѣвцамъ. Торжественно-громогласно оглашаетъ всю церковь трисвятое пѣніе, состоящее въ семъ тройномъ воззваніи къ Богу: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Воззваніемъ: «Святый Боже» возвѣщаетъ трисвятая пѣснь Бога Отца; воззваніемъ: «Святый Крѣпкій» — Бога Сына: Его крѣпость, Его создающее Слово; воззваніемъ: «Святый Безсмертный» — Его безсмертную мысль, вѣчно живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно пѣвцы подъемяютъ сіе пѣніе, чтобы звучало въ слухъ всѣмъ, что съ вѣчнымъ пребываніемъ Бога пребывало въ немъ вѣчное пребываніе Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слово Его оскудѣвало Духъ Святый. «Словомъ Божьимъ небеса создашася и духомъ устъ Его вся сила ихъ», говоритъ пророкъ Давидъ. Каждый изъ собранія, сознавая, что и въ немъ, какъ въ подобіи Божіемъ, есть та же троинственность, есть Онъ Самъ, Его Слово и Его Духъ, или мысль, движущая

словомъ, но что человѣческое его слово безсильно, изливается праздно и не творить ничего, а духъ его принадлежить не ему, завися отъ всѣхъ постороннихъ впечатлѣній и только по возвышеніи его самого къ Богу то и другое приходитъ въ немъ въ силу: въ словѣ отражается Божіе Слово, въ духѣ — Духъ Божій, и образъ Троицы Создавшаго отпечатлѣвается въ созданіи, и сознаніе становится подобнымъ Создателю,—сознавая все сіе, каждый, внемлющій трисвятому пѣнію, молится внутренно въ себѣ, чтобы Богъ Святый, Крѣпкій и Безсмертный, очистивъ его всего, избралъ его Своимъ храмомъ и пребываніемъ, и три раза повторяетъ въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Священникъ въ алтарѣ, молясь внутренней молитвой о принятіи сего трисвятаго пѣнія, три раза повергается передъ престоломъ и три раза повторяетъ въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный!» И подобно ему повторивъ въ себѣ три раза ту же трисвятую пѣснь, діаконъ три раза повергается вмѣстѣ съ нимъ передъ святымъ престоломъ.

И сотворивъ поклоненіе, отходитъ іерей на горнее мѣсто, какъ бы во глубину Боговѣдѣнія, отколѣ истекла намъ тайна Всесвятыя Троицы, какъ бы въ то возвышеннѣйшее, всюду носящее мѣсто, гдѣ Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отчемъ единствомъ Духа

Святаго. И восхожденіемъ своимъ изобразуетъ іерей восхожденіе Самого Христа вмѣстѣ съ плотью въ лоно Отчее, призывающее человѣка вослѣдъ стремиться въ лоно Отчее,— возрожденіе, прозрѣтое издали пророкомъ Данииломъ, который видѣлъ въ высокомъ видѣньи своемъ, какъ Сынъ Человѣческій дошелъ даже до Ветхаго деньми. Іерей идетъ нетрепетной стопой, произнося: «Благословенъ грядый во имя Господне», и на призваніе діакона: «Благослови, владыко, горній престолъ», благословляетъ его, произнося: «Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего, сѣдѣй на херувимѣхъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И садится на горнемъ мѣстѣ возлѣ сѣдалища, назначеннаго для архіерея. Отселѣ, какъ Божій апостолъ и его намѣстникъ, обратясь лицомъ къ народу, приготовляетъ онъ вниманіе къ слушанью наступающаго чтенія апостольскихъ посланій,— сидящій, изображая самимъ сидѣніемъ своимъ свое равенство апостоламъ.

Чтецъ, съ апостоломъ въ рукѣ, выходитъ на середину храма. Воззваніемъ: *«вонмемъ!»* призываетъ діаконъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію. Священникъ посылаетъ изъ глубины алтаря и чтецу, и предстоящимъ желаніе мира; собраніе молящихся отвѣтствуетъ священнику тѣмъ же. Но такъ какъ служеніе его должно быть духовно, подобно служенію

апостоловъ, которые глаголали не свои слова, но Самъ Духъ Святый двигалъ ихъ устами, то не говорятъ: «миръ тебѣ», но: «духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всѣмъ, начинаетъ чтець; прилежно, сердцемъ пріемлющимъ, душою ищущею, разумомъ, испытующимъ внутренній смыслъ читаемаго, внемлетъ собраніе, ибо чтеніе апостола служитъ ступеню и лѣствицей къ лучшему уразумленю чтенія евангельскаго. Когда чтець окончитъ чтеніе, іерей возглашаетъ ему изъ алтаря: «миръ тебѣ». Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Ликъ гремитъ: «аллилуія», возвѣщающее приближеніе Господа, идущаго говорить народу устами евангелія.

Съ кадиланицей въ рукѣ идетъ діаконъ исполнить благоуханьемъ храмъ, навстрѣчу идущаго Господа, напоминая каждаго о духовномъ очищеніи душъ нашихъ, съ какимъ должны мы внимать благоуханнымъ словамъ евангелія. Священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвой, чтобы возсіалъ въ сердцахъ нашихъ свѣтъ божественнаго благоразумія и отверзлись бы наши мысленныя очи въ уразумѣніе евангельскихъ проповѣданій. О возсіаніи того же свѣта въ сердцахъ своихъ молится внутренно собраніе, приготавлиаясь къ слушанію. Испросивъ благословенія отъ іерея, получа отъ него

въ напутствіе: «Богъ молитвами Всесвятаго, всехвальнаго апостола и евангелиста [именуется его имя], да дасть тебѣ глаголь благовѣствующему силою мною, во исполненіе евангелія, возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа», діаконъ восходитъ на амвонъ, предшествуемый несомымъ свѣтильникомъ, знаменующимъ всепросвѣщающій свѣтъ Христовъ. Священникъ въ алтарѣ возглашаетъ къ собранію: «Премудрость! Прости, услышимъ святаго евангелія! Миръ всѣмъ!» Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ начинаетъ чтеніе.

Благоговѣйно преклонивъ главы, какъ бы внимая Самому Христу, говорящему съ амвона, всѣ стараются принять сердцами сѣмя святого слова, которое устами служителя сѣетъ Самъ Сѣятель Небесный,— не тѣми сердцами, которыхъ уподобляетъ Спаситель землѣ при пути, на которую хоть и упадаютъ сѣмена, но тутъ же бываютъ расхищены птицами — налетающими злыми помышленіями; — не тѣми также сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ каменистой почвѣ, только сверху прикрытой землею, которая хоть и охотно пріемлютъ слово, но слово не водружаетъ глубоко корня, ибо нѣтъ глубины сердечной; — и не тѣми также сердцами, которыя уподобляетъ Онъ неочищенной землѣ, глухимой терніемъ, на которой хоть и даетъ сѣмя всходы, но быстро вырастающіе тутъ же вмѣстѣ съ ними тернія,

— тернія трудовъ и заботъ вѣка, тернія обольщеній, безчисленныя обаянія свѣтской умерщвляющей жизни съ ея обманчивыми удобствами, заглушаютъ едва поднявшіеся всходы — и сѣмя остается безъ плода; — но тѣми пріемлющими сердца, которыхъ уподобляетъ Онъ доброй почвѣ, дающей плодъ — ово сто, ово шестьдесятъ, ово тридесять, — которыя все, принятое въ себя, по выходѣ изъ церкви, возвращаютъ въ домахъ, въ семьѣ, въ службѣ, въ трудѣ, въ отдохновеньяхъ, въ увеселеньяхъ, съ людьми въ бесѣдахъ и наединѣ съ самимъ собою. Словомъ, всякъ вѣрный стремится быть тѣмъ, и слушающимъ и творящимъ вмѣстѣ, котораго общаетъ Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на песокъ, но на камени, такъ что, если бы тутъ же, по выходѣ изъ церкви, набѣжали на него дожди, рѣки и вихри всѣхъ бѣдствій, его духовная храмина осталась бы неподвижная, какъ твердыня на камени. По окончаніи чтенія, священникъ въ алтарѣ возвѣщаетъ діакону: «Миръ тебѣ благовѣствующему». Приподымая главы, всѣ предстоящія въ чувствованіи благодарности восклицаютъ вмѣстѣ съ ликомъ: «Слава Тебѣ, Боже нашъ! Слава Тебѣ!» Стоящій въ царскихъ дверяхъ священникъ пріемлетъ отъ діакона евангеліе и поставляетъ его на престолъ какъ Слово, исшедшее отъ Бога и къ Нему же возвратившееся. Алтарь, изображающій высшія горнія селенья,

скрывается отъ глазъ — врата царскія затворяются, горняя дверь задергивается, знаменуя, что нѣтъ другихъ дверей въ царство небесное, кромѣ отверстыхъ Христомъ, что съ Нимъ только можно войти въ нихъ: «Азъ есмь дверь».

Тутъ обыкновенно въ первоначальное время христіанъ было мѣсто проповѣди; слѣдовали изъясненіе и толкованіе прочитанныхъ евангелій. Но такъ какъ проповѣдь въ нынѣшнее время говорится бѣльшею частію на другіе тексты и, стало-быть, не служить изъясненіемъ прочитаннаго евангелія, то, чтобы не разрушать стройнаго порядка и связи священной литургіи, она отнесена къ концу.

Изображая ангела, побудителя людей къ моленьямъ, діаконъ идетъ на амвонъ воздвигнуть собраніе къ моленьямъ еще сильнѣйшимъ и прилежнѣйшимъ. «Рцѣмъ вси отъ всея души, и отъ всего помышленія [нашего] рцѣмъ!» взываетъ онъ, подъемля тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моленья отъ всѣхъ помышленій, всѣ восклицаютъ: «Господи, помилуй!» Усугубля моленья троекратнымъ воззваніемъ о помилованіи, діаконъ призываетъ сызнова молиться о всѣхъ людяхъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ званій и должностей, начиная съ высшихъ, гдѣ труднѣй человѣку, гдѣ ему больше преткновеній и гдѣ ему нужнѣй помощь отъ Бога. Каждый изъ собранья,

зная, какъ много благоденствіе многихъ зависить оттого, когда высшія власти исполняютъ честно свои обязанности, молится сильно о томъ, чтобы Богъ ихъ вразумилъ и наставилъ исполнять честно свое званье и всякому подалъ бы силы пройти честно свое земное поприще. О семъ молятся всѣ прилежно, произнеся уже не одинъ разъ: «Господи, помилуй!» но три раза. Вся цѣпь этихъ моленій называется сугубой эктеніей, или эктеніей прилежнаго моления, и священникъ въ алтарѣ передъ престоломъ молится прилежно о принятіи всеобщихъ усугубленныхъ моленій, и самая молитва его называется молитвой прилежнаго моления.

И если въ тотъ день случится какое-либо приношеніе объ усопшихъ, тогда вослѣдъ за сугубой эктеніей возглашается эктенія объ усопшихъ. Держа орарь тремя перстами руки, призываетъ діаконъ молиться объ успокоеніи душъ Божіихъ рабовъ, которыхъ всѣхъ называетъ по именамъ, чтобы Богъ простилъ имъ всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, чтобы водворилъ ихъ души тамъ, гдѣ праведные успокоются. Тутъ всякій изъ предстоящихъ припоминаетъ всѣхъ близкихъ своему сердцу усопшихъ и произноситъ въ себѣ три раза на всякое воззваніе діакона: «Господи, помилуй!» молясь прилежно и о своихъ, и [о] всѣхъ почившихъ христіанахъ. «Милости Божіей», восклицаетъ діаконъ:

«небеснаго царствія и оставленія грѣховъ ихъ у Христа, Безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ!» Собраніе взываетъ съ хоромъ поющихъ: «Подай, Господи!» А священникъ молится въ алтарѣ, чтобы Поправшій смерть и Даровавшій жизнь успокоилъ Самъ души усопшихъ рабовъ Своихъ въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, откуда отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и, прося имъ въ сердцѣ своемъ отпущенія всѣхъ согрѣшеній, возглашаетъ громко: «Яко Ты еси воскресеніе, и жизнь, и покой усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцомъ, и Пресвятымъ, и Благимъ, и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ ликъ. Діаконъ начинаетъ эктенію объ оглашенныхъ.

Хотя и рѣдко бываютъ теперь непринявшіе святаго крещенія и находящееся въ числѣ оглашенныхъ, но всякій присутствующей, помышляя, какъ далеко онъ отстоитъ и вѣрой, и дѣлами отъ вѣрныхъ, удостаивавшихся соприсутствовать трапезѣ любви въ первые вѣка христіанъ, видя, какъ онъ, можно сказать, только огласился Христомъ, но не внесъ Его въ самую жизнь, только-что слышитъ разумъ словъ Его, но не приводитъ ихъ въ исполненіе, и еще холодно его вѣрованье, и нѣтъ огня всепрощающей

любви къ брату, поядающей душевную черствость, и что крещеный водой во имя Христа, онъ не достигнулъ того возрожденія въ духѣ, безъ котораго ничтожно его христіанство, по слову Самого Спасителя: «кто не родится свыше, не внидетъ въ царствіе небесное»,—соображая все сіе, всякій изъ присутствующихъ сокрушенно поставляетъ себя въ число оглашенныхъ, и на призванье діакона: «Помолитесь, оглашенные, Господу!» отъ глубины сердца взываетъ: «Господи, помилуй!»

«Вѣрные!» взываетъ діаконъ: «помолимся объ оглашенныхъ, чтобы Господь ихъ помиловалъ, чтобы огласилъ ихъ словомъ истины, чтобы открылъ имъ евангеліе правды, чтобы соединилъ ихъ Своей святой соборной и апостольской Церкви, чтобы спасъ, помиловалъ, заступилъ и сохранилъ ихъ Своею благодатью!»

И вѣрные, чувствующіе, какъ мало они стѣять названія вѣрныхъ, молясь объ оглашенныхъ, молятся о самихъ себѣ, и на всякое отдѣльное призванье діакона восклицаютъ внутренно вослѣдъ за поющимъ ликомъ: «Господи, помилуй!» Діаконъ взываетъ: «Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!» Всѣ преклоняютъ свои главы, восклицая внутренно въ сердцахъ: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ втайнѣ молится объ оглашенныхъ и о тѣхъ, которыхъ смиренье души поставило себя въ

ряды оглашенныхъ. Молитва его въ сихъ словахъ: «Господи Боже нашъ, живущій на высокихъ, взирающій на смиренныхъ, ниспославшій спасенье человѣческому роду — Своего Сына, Бога и Господа нашего, Иисуса Христа! воззри на оглашенныхъ рабовъ Твоихъ, подклонившихъ Тебѣ свои выи! Приобщи ихъ Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вмѣстѣ съ нами пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Ликъ гремитъ «аминь». А въ напоминанье, что наступила минута, въ которую древле выводились изъ церкви, оглашенные, діаконъ возглашаетъ громко: «Оглашенные, изыдите!» И вслѣдъ за тѣмъ, возвысивъ голосъ, возглашаетъ въ другой разъ: «Оглашенные, изыдите!» И потомъ въ третій разъ: «Оглашенные, изыдите! да никто отъ оглашенныхъ, одни только вѣрные, вновь и вновь Господу помолимся!»

Отъ словъ этихъ содрогаются всѣ, чувствующіе свое недостойнство. Взывая мысленно къ Самому Христу, изгнавшему изъ храма Божія продавцовъ и безстыдныхъ торгашей, обратившихъ въ торжище Его святыню, каждый, предстоящій старается изгнать изъ храма души своей оглашеннаго, неготоваго присутствовать при святынѣ, и вызываетъ къ Самому Христу, чтобы воздвигнулъ въ немъ вѣрнаго,

причисленнаго къ избранному стаду, о которомъ сказалъ апостолъ: «Языкъ святъ, люди обновленія, каменіе, зиждущееся въ храмъ духовенъ», — причисленнаго къ тѣмъ истинно вѣрнымъ, которые присутствовали при литургіи въ первые вѣка христіанъ, которыхъ лики глядятъ теперь на него съ иконостаса. И объемля ихъ всѣхъ взорами, призываетъ ихъ на помощь, какъ братьевъ, молящихся теперь на небесахъ, ибо предстоятъ священнѣйшія дѣйствія — начинается *литургія вѣрныхъ*.

ЛИТУРГІЯ ВѢРНЫХЪ.

Въ закрытомъ алтарѣ іерей распростираетъ на святомъ престолѣ антминсъ, вмѣстопрестоліе,— платъ съ изображеніемъ тѣла Спасителя, на который должны быть постановлены приуготовленные имъ на проскомидіи святой хлѣбъ и чаша, исполненная вина и воды, и которые съ бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно въ виду всѣхъ вѣрныхъ. Распростерши антминсъ,—напоминающій время гоненія христіанъ, когда церковь не имѣла постоянного пребыванія и, не могши переносить съ собою престола, стала употреблять сей платъ съ частицами мощей, и который остался какъ бы въ возвѣщеніе, что и нынѣ не прикрѣпляется она ни къ какому исключительному зданью, городу или мѣсту, но какъ корабль носится поверхъ волнъ сего міра, не водружая нигдѣ своего якоря: ея якорь на небесахъ, —распростерши сей антминсъ, онъ приступаетъ къ

престолу такъ, какъ бы приступалъ къ нему въ первый разъ и какъ бы только теперь готовился начинать настоящее служеніе: ибо въ первоначальное время [у] христіанъ только теперь открывался престолъ, доселѣ остававшійся закрытымъ и занавѣшеннымъ по причинѣ присутствія оглашенныхъ, и только теперь начинались настоящія моленья вѣрныхъ. Еще въ закрытомъ алтарѣ припадаетъ онъ къ престолу, и двумя молитвами вѣрныхъ молится онъ объ очищеніи своемъ, о неосужденномъ предстояннѣ святому жертвеннику, объ удостоеніи его приносить жертвы въ чистомъ свидѣтельствѣ [совѣсти]. А діаконъ, стоя на амвонѣ посреди церкви, изобразуя ангела, побудителя къ молитвамъ, держа орарь тремя перстами, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ тѣмъ же моленіямъ, какими начиналась литургія оглашенныхъ.

И также стараясь о приведеніи своихъ сердецъ въ согласное настроеніе мира, теперь еще необходимѣйшаго, всѣ вѣрные взываютъ: «Господи, помилуй!» и еще сильнѣе молятся о свѣшнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояннѣ Божіихъ церквей и соединеннѣ всѣхъ, о святомъ храмѣ семъ и о входящихъ въ него съ вѣрою, благоговѣннемъ и страхомъ Божіимъ, о томъ, чтобы избавиться отъ всякія скорби, гнѣва и нужды.

И взываютъ еще сильнѣе въ сердцахъ своихъ:
«Господи, помилуй!»

Іерей изъ глубины алтаря возглашаетъ:
«Премудрость!» знаменуя симъ, что Та же Самая
Премудрость, Тотъ же Вѣчный Сынъ, исшедшій въ
видѣ евангелія сѣять слово, учившее жить,
перенесется теперь въ видѣ святаго хлѣба принестись
въ жертву за весь міръ. Воздвигнутые симъ
напоминаніемъ, всѣ предстоящіе устремляютъ мысли,
приготавливаются къ предстанущимъ священнѣйшимъ
священнодѣйствіямъ и служеніямъ. Іерей
литургисающій втайнѣ молится, припадая къ престолу,
сею возвышенной молитвой: «Никто изъ связавшихся
чувственными пожеланьями и наслажденьями
недостойнъ приступать къ Тебѣ, или приближаться,
или служить Тебѣ, Царю Славы: ибо служенье Тебѣ
велико и страшно и самимъ силамъ небеснымъ. Но
такъ какъ, по безмѣрному Своему человеколюбію, Ты
непреложно и неизмѣнно былъ человекъ, Самъ былъ
архіерей и Самъ передалъ намъ священнодѣйство сея
служебныя и безкровныя жертвы, какъ Владыка
всѣхъ,— ибо Ты одинъ, Боже, владычествуешь и
небесными, и земными,— носимый херувимски на
престолѣ, Господь серафимовъ и Царь Израилевъ,
Единый Святъ и во святыхъ почивающій; то молю
Тебя, Единаго Благого, воззри на меня, грѣшнаго и
непотребнаго раба Твоего, очисти мою душу и сердце

отъ совѣсти лукавыя и удовли меня, облеченнаго благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать святой Твоей трапезѣ и священнодѣйствовать святое и пречистое Твое тѣло и честную кровь! Къ Тебѣ же прихожу, преклоняя мою выю, и молюсь Тебѣ: да не отвратишь лица Твоего отъ меня, ниже отринешь меня отъ отроковъ Твоихъ; но сподоби принестись Тебѣ, посредствомъ меня недостойнаго, симъ дарамъ Твоимъ: ибо Ты еси и приносящій, и приносимый, и пріемлющій, и раздаваемый, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцомъ и Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Царскія врата разверзаются на срединѣ молитвы, такъ что іерей зрится еще молящійся съ распростертыми руками. Діаконъ съ кадильницею въ рукѣ исходитъ уготовить путь Царю всѣхъ, и, обильно распространяемымъ куреньемъ подъема облака кадильныхъ благоуханій, среди которыхъ перенесется Носимый херувимами, напоминаетъ всѣмъ о томъ, чтобы исправилась ихъ молитва, яко кадило предъ Господомъ,— напоминаетъ о томъ, чтобы всѣ, будучи благоуханьемъ Христовымъ, по слову апостола, они вспомнили о томъ, что нужно имъ быть чистыми херувимами для поднятія Господа. А лики на обоихъ клиросахъ подъемятъ отъ лица всей церкви

сію херувимскую пѣснь: «Мы, тайно изображующіе херувимовъ и воспѣвающіе трисвятую пѣснь Животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ всякое попеченье, да Царя всѣхъ подыmemъ, невидимо копьеносимаго ангельскими чиньми».

Былъ у древнихъ римлянъ обычай новоизбраннаго императора выносить къ народу въ сопровожденіи легіоновъ войскъ на щитѣ подъ осяненіемъ множества наклоненныхъ надъ нимъ копій. Пѣсню эту сложилъ самъ императоръ, упавшій въ прахъ со всѣмъ своимъ земнымъ величіемъ предъ величіемъ Царя всѣхъ, копьеносимаго херувимами и легіонами небесныхъ силъ: въ первоначальныя времена сами императоры смиренно становились въ ряды слугителей при выносѣ святаго хлѣба.

Пѣнье сей пѣсни устраивается ангельскимъ, подобное тому, какъ въ вышинѣ пѣли незримыя силы. Іерей и діаконъ, повторяя внутренно въ себѣ ту же херувимскую пѣснь, приступаютъ къ боковому жертвеннику, гдѣ совершалась проскомидія. Приступивши къ дарамъ, накрытымъ воздухомъ, діаконъ говоритъ: «Возьми, владыко!» Іерей снимаетъ воздухъ и возлагаетъ ему на лѣвое плечо, и глаголетъ: «Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа». Потомъ беретъ дискось съ агнцемъ и возлагаетъ его на главу діакону; а самъ беретъ святую чашу и, предходящему свѣтильнику

или лампадѣ, выходить боковой или сѣверной дверью къ народу. Если же служенье совершается соборомъ, при множествѣ іереевъ и діаконовъ, то одинъ несетъ дискось, другой — чашу, третій — святую ложку, которою приобщаются, четвертый копье, прободшее св. тѣло. Всѣ принадлежности выносятся, даже самая губка, которою собирались крупцы святаго хлѣба на дискось и которая образуетъ ту губу, омоченную въ уксусъ и желчь, еюже напоили люди Творца своего. При пѣньи херувимской пѣсни, подобясь небеснымъ силамъ, выступаетъ сей торжественный ходъ, называемый великимъ выходомъ.

При видѣ Царя всѣхъ, несомого въ смиренномъ видѣ агнца, лежащаго на дискось, какъ бы на щитѣ, окруженнаго орудіями земныхъ страданій, какъ бы копьями несчетныхъ невидимыхъ воинствъ и чиноначалій, всѣ долу преклоняють свои главы и молятся словами разбойника, завопившаго къ Нему на крестѣ: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Своемъ». Посреди храма останавливается весь ходъ. Священникъ пользуется сей великой минутой, чтобы въ присутствіи несущихъ дары помянуть предъ Господомъ имена всѣхъ христіанъ, начиная съ тѣхъ, кому труднѣй и священнѣй достались обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ счастье всѣхъ и собственное спасенье душъ ихъ,— заключая словами: «Васъ и всѣхъ

[православныхъ] христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ [всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъъ]. Пѣвцы оканчиваютъ херувимскую пѣснь троекратнымъ пѣньемъ: «Аллилуія», возвѣщающимъ вѣчное хожденіе Господне. Ходъ вступаетъ въ царскія врата. Впереди всѣхъ вшедшій въ алтарь діаконъ, остановившись по правую сторону дверей, встрѣчаетъ священника словами: «Да помянетъ Господь Богъ священство твое во царствіи Своемъ». Священникъ отвѣтствуетъ ему: «Да помянетъ Господь Богъ священнодіаконство твое во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» И поставляетъ святую чашу и хлѣбъ, представляющій тѣло Христово, на престолъ, какъ бы на гробъ. Врата царскія затворяются, какъ бы двери гроба Господня; занавѣсъ надъ ними задергивается, какъ кустодія, поставленная на стражѣ. Іерей снимаетъ съ главы діакона святой дискось, какъ бы онъ снималъ тѣло Спасителя со креста, поставляетъ его на разстланный антиминосъ, какъ бы на плащаницу, и сопровождаетъ сіе дѣйствіе словами: «Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробъ новѣ закрывъ, положи». И вспоминая вездѣсущность Того, Кто теперь лежитъ предъ нимъ во гробѣ, говоритъ въ себѣ: «Во гробѣ Ты былъ плотски, во адѣ съ душою, какъ Богъ, въ

раю съ разбойникомъ и въ то же время на престолѣ съ Отцемъ и Духомъ, Христось, все Собой исполняяй, неописанный!» И вспоминая славу, въ которую облекся сей гробъ, говоритъ: «Какъ живоносець, какъ воистину краснѣйшій рая и какъ свѣтлѣйшій всякаго царскаго чертога, явился намъ Твой гробъ, Христе, источникъ всякаго воскресенья». И снявши покровъ отъ дискаса и отъ чаши и воздухъ съ плеча діакона, изображающей теперь уже не пелены, въ которыя повить былъ Іисусъ Младенець, но сударь и гробовые покровы, въ которые повито было Его мертвое тѣло, обкадивъ ихъ еиміамомъ, покрываетъ онъ ими снова дискосъ и чашу произнося: «Благообразный Іосифъ, снявъ со древа пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробъ новѣ закрывъ, положи». Потомъ, взявши отъ діакона кадильницу, кадитъ святыя дары, поклоняясь предъ ними три раза, и готовясь къ предстоящему жертвоприношенію, говоритъ въ себѣ словами пророка Давида: «Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія: тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая, тогда возложатъ на алтарь Твой тельцы»: ибо, пока Самъ Богъ не воздвигнетъ, не оградитъ душъ нашихъ іерусалимскими стѣнами отъ всякихъ плотскихъ вторженій, мы не въ силахъ вознести ему ни жертвъ,

ни всесожженій, и не поднимется кверху пламень духовнаго моленья, разносимый посторонними помышленіями, набѣгомъ страстей и вьюгой возмущенья душевнаго. Молясь объ очищеніи своемъ для предстоящаго жертвоприношенія, отдавая кадильницу діакону, опутивъ фелонь и преклонивъ главу, говоритъ онъ ему: «Помяни меня, братъ и сослужитель!» — «Да помянетъ Господь Богъ твое священство во царствіи Своемъ!» отвѣтствуетъ діаконъ и въ свою очередь, помышляя о недостойнствѣ своемъ, преклоняетъ главу и, держа орарь въ рукѣ, говоритъ ему: «Помолись о мнѣ, владыко святыи!» Священникъ ему отвѣтствуетъ: «Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя». — «Той же Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего». И, полный сознанья своего недостойнства, [діаконъ] присовокупляетъ: «Помяни мя, владыко святыи!» Священникъ ему: «Да помянетъ тебя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Діаконъ, произнесши: «аминь» и поцѣловавъ ему руку, исходитъ боковой сѣверной дверью призвать всѣхъ предстоящихъ къ молитвамъ о перенесенныхъ и постановленныхъ на престолъ святыхъ дарахъ.

Взошедъ на амвонъ, лицомъ къ царскимъ дверямъ, поднявъ орарь тремя перстами руки, на подобье поднятаго крыла ангела, побудителя къ молитвѣ,

возносить онъ цѣпь моленій, уже непохожихъ на прежнія. Начинаясь призваніемъ къ моленью о перенесенныхъ на престолъ дарахъ, они скоро переходятъ въ тѣ прошенья, какія только одни вѣрные, живущіе во Христѣ, возносятъ къ Господу.

«Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ», взываетъ діаконъ.

Собранье молящихся, соединяясь съ хоромъ поющихъ, взываетъ отъ сердець: «Подай, Господи!»

«Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прощенья и оставленья грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовѣ просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми

святыми помянувшѣ, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ».

И въ истинномъ желаньи подобно предать самихъ себя и другъ друга Христу Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!»

Ектенія завершается возглашеньемъ: «Щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Ликъ гремитъ: «Аминь».

Алтарь все еще закрытъ. Священникъ все еще не приступаетъ къ жертвоприношенію: еще много долженствующаго предшествовать тайной вечери. Изъ глубины алтаря посылаетъ онъ привѣтствіе Самого Спасителя: «Миръ всѣмъ!» Ему отвѣтъ: «И духу твоему». Стоя на амвонѣ, діаконъ, какъ было у первыхъ христіанъ, призываетъ всѣхъ ко взаимной любви словами; «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣдаемъ...» Окончанье призванья подхватываетъ ликъ поющихъ: «Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», возвѣщая, что, но полюбивши другъ друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная, содержащая въ своей Троицѣ и любящаго и любимаго, и самое дѣйствіе любви, которою любящій любитъ любимаго: любящій — Богъ

Отець, любимый — Богъ Сынъ, и сама любовь, ихъ связующая — Богъ Духъ Святый. Три раза поклоняется священникъ въ алтарѣ, произнося въ себѣ тайно: «Возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя, Господь утвержденье мое и прибѣжище мое», и цѣлуетъ покрытые покровами святыи дискосъ и святую чашу, цѣлуетъ край святыя трапезы и, сколько бы ни случилось священниковъ, съ нимъ сослужащихъ, каждый дѣлаетъ то же, и потомъ всѣ цѣлуютъ другъ друга. Главный говоритъ: «Христосъ посреди насъ». Ему отвѣтствуютъ: «И есть, и будетъ». Діаконы также, сколько бы ихъ ни случилось, цѣлуютъ каждый вначалѣ свой орарь въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ изображенъ крестъ, потомъ другъ друга, произнося тѣ же слова.

Прежде всѣ предстоящіе въ церкви лобызали также другъ друга, мужи — мужей, жены — женъ произнося: «Христосъ посреди насъ», и тутъ же отвѣтствуя: «и есть, и будетъ»; а потому и теперь всякій предстоящій, собирая мысленно предъ собою всѣхъ христіанъ, не только присутствующихъ во храмѣ, но и отсутствующихъ, не только близкихъ къ сердцу, но и далекихъ отъ сердца, спѣша примириться съ тѣми, противъ которыхъ питаль какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствіе, — всѣмъ имъ спѣшитъ дать мысленно лобзанье, говоря внутренно: «Христосъ посреди насъ» и отвѣтствуя за

нихъ: «И есть, и будетъ»: ибо безъ этого онъ будетъ мертвъ для всѣхъ слѣдующихъ священнодѣйствій, по слову Самого Христа: «Остави даръ свой и шедъ прежде примиришь съ своимъ братомъ и тогда принеси жертву Богу»; и въ другомъ мѣстѣ: «Аще кто речетъ: люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо нелюбяй брата своего, егоже видѣ, како можетъ любить Бога, егоже не видя?»

Стоя на амвонѣ лицомъ ко всѣмъ предстоящимъ, держа орарь тремя перстами, произносить діаконъ древнее возглашеніе: «Двери! Двери!» древле обращаемое къ привратникамъ, стоявшимъ у входа дверей, чтобы никто изъ язычниковъ, имѣвшихъ обыкновеніе нарушать христіанскія богослуженія, не ворвался бы нагло и святотатственно въ церковь, нынѣ же обращаемое къ самимъ предстоящимъ, чтобы берегли двери сердець своихъ, гдѣ уже поселилась любовь, и не ворвался бы туда врагъ любви, а двери устъ и ушесъ отверзли бы къ слышанію символа вѣры, во знаменованіе чего и отдергивается завѣса надъ царскими дверями, или горнія двери, отвергающіяся только тогда, когда слѣдуетъ устремить вниманіе ума къ таинствамъ высшимъ. А діаконъ призываетъ къ слушанію словами: «Премудростію вонмемъ». Пѣвцы твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, больше похожимъ на выговариваніе, читають выразительно и громко:

«Вѣрую во Единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ». И сохранивъ мигъ вдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ первое лицо Св. Троицы — Богъ Отецъ, продолжаютъ, возвышая голосъ: «И во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъже вся быша. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И восшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки». И сохранивъ мигъ вдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ третіе лицо Св. Троицы — Богъ Духъ Святой, продолжаетъ: «Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь».

Твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, водружая въ сердце всякое слово исповѣданія, поють пѣвцы; твердо повторяетъ каждый вослѣдъ за ними слова символа. Мужествуя сердцемъ и духомъ, іерей передъ святымъ престоломъ, долженствующимъ изобразить святую трапезу, повторяетъ въ себѣ символъ вѣры, и всѣ ему сослужащіе повторяютъ его въ самихъ себѣ, колебля святой воздухъ надъ св. дарами.

И твердой стопой исходитъ діаконъ и возглашаетъ: «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносить», т.-е. станемъ, какъ прилично, человѣку предстать передъ Бога, съ трепетомъ, съ страхомъ и въ то же время съ мужественнымъ дерзновеніемъ духа, славословящаго Бога, съ возстановившимся согласіемъ мира въ сердцахъ, безъ котораго нельзя вознестись къ Богу. И въ отвѣтъ на призывъ вся церковь, принося въ жертву хваленіе устъ и умягченное состояніе сердець, повторяетъ вослѣдъ за хоромъ пѣвцовъ: «Милость мира, жертву хваленія». Въ первоначальной Церкви было въ обычаѣ приносить въ это время елей, знаменующій всякое умягченіе. Елей и милость въ греческомъ языкѣ тождественны.

Священникъ въ алтарѣ снимаетъ между тѣмъ воздухъ со святыхъ даровъ, цѣлуетъ его и кладетъ на сторону, произнося: «Благодать Господа...» А діаконъ,

взошедши въ алтарь и взявши въ руки вѣяло, или рипиду, вѣетъ ею благоговѣйно надъ дарами.

Приступая къ совершенію тайной вечери, іерей посылаетъ изъ алтаря къ народу сіе благовѣствующее возглашеніе: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми вами!» И отвѣтствуютъ ему на то всѣ: «и со духомъ твоимъ!» И алтарь, изображавшій вертепъ, теперь уже горница, въ которой была уготована вечеря. Престолъ, представлявшій гробъ, теперь уже трапеза, а не гробъ. Напоминая о Спасителѣ, возведемъ очи горѣ передъ тѣмъ, какъ преподать божественную пищу ученикамъ, священникъ возглашаетъ: «Горѣ имѣемъ сердца!» И каждый изъ стоящихъ во храмѣ помышляетъ о томъ, чтò имѣетъ совершиться,— что въ эту минуту Божественный Агнецъ идетъ за него заклаться, Божественная кровь Самого Господа вливается въ чашу, въ его очищеніе, и всѣ небесныя силы, соединяясь съ іереемъ, о немъ молятся,— помышляя [о томъ], стремя свое сердце отъ земли къ небу, отъ тьмы къ свѣту, восклицаетъ вослѣдъ за всѣми: «Имамы ко Господу».

Напоминая о Спасителѣ благодарившемъ, по возведеніи очей горѣ возглашаетъ іерей: «Благодаримъ Господа». Ликъ отвѣтствуетъ: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и

Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной». А священникъ молится втайнѣ: «Достойно и праведно есть Тебя воспѣвать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебѣ поклоняться на всякомъ мѣстѣ владычества Твоего, ибо Ты еси Богъ неизречененъ, недовѣмомъ, невидимъ, непостижимъ, присно сый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси и отпадшія вновь возстановилъ насъ и не отступилъ еси вся творя, дондеже на небо насъ возвелъ еси, и даровалъ намъ Твое будущее царство. О сихъ всѣхъ благодаримъ Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всѣхъ, которыя знаемъ и которыхъ не знаемъ, о явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. Благодаримъ Тебя и о службѣ сей, которую изъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, хотя и предстоятъ Тебѣ тысящи архангеловъ, и тмы ангеловъ, херувими, и серафими шестокрылатые, многоочитые возвышающееся пернатые, побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея!»

Эту побѣдную серафимскую пѣснь, которую слышали въ святыхъ видѣніяхъ своихъ пророки, подхватываетъ весь ликъ пѣвцовъ, унося мысли

молящихся къ незримымъ небесамъ и заставляя ихъ вмѣстѣ съ серафимами повторять: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ», и облетая вмѣстѣ съ серафимами престолъ божественной славы. И такъ какъ въ то же время вся церковь ожидаетъ въ эти минуты сошествія Самого Бога, грядущаго принестись въ жертву за всѣхъ, то къ серафимской пѣснѣ, раздающейся въ небесахъ, присоединяется пѣснь еврейскихъ отроковъ, которою они встрѣтили вшествіе Его во Іерусалимъ, подстилая вѣтви по пути: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!» Ибо Господь взойти готовится во храмъ, какъ въ таинственный Іерусалимъ. Діаконъ продолжаетъ вѣять вѣяломъ надъ святыми дарами, чтобы не могло упасть туда какое насѣкомое, изображая вѣяніемъ движеніе благодати; а священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «Съ сими блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, и мы вопіемъ и глаголемъ: Святъ еси и Пресвятъ, Ты и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святой. Святъ еси и Пресвятъ, и великолѣпна слава Твоя, иже міръ Твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всякъ, вѣруяй въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный, Который, пришедъ и все смотрѣніе о насъ исполнивъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, или, лучше, Самъ Себя предалъ за жизнь міра, взявши хлѣбъ въ святыя

Свои, пречистыя, непорочныя руки, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, преломивъ и давши святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказалъ...» и громко возглашаетъ іерей слова Спасителя: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». И вся церковь вослѣдъ за ликомъ возглашаетъ: «аминь». А діаконъ, держа орарь, указываетъ священнику на святыи дискось, на которомъ положенъ хлѣбъ. Священникъ продолжаетъ втайнѣ: «Подобно и чашу по вечерѣ, глаголя...» и также, до указанію діакона на чашу, возглашаетъ громко: «Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ». И также громко возглашаетъ вся церковь: «аминь».

Священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «И такъ воспоминаю сію спасительную заповѣдь и все о насъ бывшее: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сидѣніе, второе и славное пришествіе вновь» — и, произнеся это въ себѣ, возглашаетъ громко: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Отложивъ рипиду, діаконъ приподымаетъ святыи дискось и святыи потиръ — алтарь уже не горница Тайныя Вечери, престоль не трапеза: онъ уже теперь жертвенникъ, на которомъ приносится страшная жертва за весь міръ — Голгоѳа, на которой совершилось заклєніе

Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношенія, и напоминанія всякому о жертвѣ Творцу. Поклоненіе отдается нами и земнымъ властямъ; обожаніе, уваженіе, покорность мы воздаемъ и людямъ, но жертву — единому Творцу. Она не прекращалась отъ самаго созданія міра и въ какомъ бы видѣ ни приносилась, требовалась не самая жертва, но духъ сокрушенъ, съ которымъ она приносилась. Поэтому, всякій изъ предстоящихъ, вспомни, что въ эту минуту священникъ, презрѣвъ все дальнее, оставивши всѣ помыслы, всѣ мысли о земномъ, подобно какъ Авраамъ, который, когда восходилъ на горы принести жертву, оставивъ внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши съ собой только дрова горькаго исповѣданія прегрѣшеній своихъ и сжегши ихъ огнемъ раскаянія душевнаго, огнемъ и мечомъ духа заколовши въ себѣ всякое желаніе земныхъ стяжаній и блага земного. Но чтò предъ Богомъ всѣ наши жертвы, когда Онъ гласитъ устами пророка: «яко портъ нечистъ вся дѣла ваша?» Въ глубокомъ сознаніи, что нѣтъ Богу на землѣ ничего достойнаго жертвы, каждый изъ предстоящихъ обращается мысленно къ той же чашѣ, которую въ алтарѣ подымлетъ служитель алтаря, и восклицаетъ во глубинѣ сердца своего: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Ликъ поетъ: «Тебе

поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимся, Боже нашъ!»

И наступаетъ верховнѣйшая минута всей литургіи: пресуществленіе. Въ алтарѣ происходитъ троекратное призваніе Святаго Духа на святыя дары,— Того Самаго Святаго Духа, которымъ совершилось воплощеніе Христова отъ Дѣвы, Его смерть, Его воскресеніе и безъ Котораго не можетъ пресуществиться хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову.

Упавъ ницъ предъ св. престоломъ, священникъ и діаконъ творять троекратно земные поклоны, произнося въ себѣ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся». И каждый вслѣдъ за симъ призваніемъ произноситъ въ себѣ стихъ: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей». И во второй разъ тоже призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся»; вслѣдъ за тѣмъ стихъ: «Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене». И въ третій разъ призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но

обнови насъ молящихся». Подклонивъ главу, діаконъ указываетъ ораремъ на святой хлѣбъ, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святой хлѣбъ»; и знаменуетъ его трижды іерей, глаголя: «И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь». И хлѣбъ уже есть самое тѣло Христа. И, также безмолвно указываетъ діаконъ ораремъ на святую чашу, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святую чашу». И, благословляя, глаголетъ священникъ: «А еже въ чаши сей, честную кровь Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь» и, указавъ на обоя святая, глаголетъ: «Благослови, владыко, обоя». Благословивъ, произноситъ священникъ: «Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ»; троекратно произноситъ діаконъ: «аминь» — и на престолѣ уже тѣло и кровь: пресуществленіе совершилось! Словомъ вызвано Вѣчно Слово. Іерей, имѣя глаголъ намѣсто меча, совершилъ закланье. Кто бы онъ ни былъ самъ, — Петръ или Иванъ, — но въ его лицѣ Самъ Вѣчный Архіерей совершилъ сіе закланіе и вѣчно совершаетъ Онъ его въ лицѣ своихъ іереевъ, какъ по слову: «да будетъ свѣтъ», свѣтъ сіяетъ вѣчно; какъ по слову: «да произраститъ земля быліе травное», произращаетъ его вѣчно земля. На престолѣ — не образъ, не видъ, но самое тѣло Господне, — то самое тѣло, которое страдало на землѣ, терпѣло заушенья, было оплевано,

распято, погребено, воскресло, вознеслось вмѣстѣ съ Господомъ и сидитъ одесную Отца. Видѣ хлѣба сохраняетъ оно только затѣмъ, чтобы быть снѣдью человѣку, и что Самъ Господь сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ».

Церковный звонъ подымается съ колокольной возвѣстить всѣмъ о великой минутѣ, чтобы человѣкъ, гдѣ бы онъ въ это время ни находился,— въ пути ли, въ дорогѣ, обрабатываетъ ли землю полей своихъ, сидитъ ли въ дому своемъ, или занятъ другимъ дѣломъ, или томится на одрѣ болѣзни, или въ тюремныхъ стѣнахъ, словомъ,— гдѣ бы онъ ни былъ, чтобы могъ отовсюду вознести моленье и отъ себя въ эту страшную минуту. Все повергается ницъ въ виду тѣла и крови Господней, взывая ко Господу словами разбойника: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Подклонивъ главу священнику, діаконъ произноситъ: «Помяни мя, святой владыко!» Ему отвѣтствуетъ священникъ: «Помянетъ тебя Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И приступаетъ священникъ къ поминанью всѣхъ предъ лицомъ Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ воспоминались всѣ на проскомидіи, начиная съ Богопресвятой, Пречистой Матери Господа, Которую тутъ же вся церковь ублажаетъ,

вмѣстѣ съ ликомъ, хвалебною пѣснью, какъ Предстательницу за весь родъ человѣческій, какъ единственную удостоившуюся, за высокое смиреніе свое, понести въ себѣ Бога,—чтобы каждый въ эту минуту слышалъ, что высшая добродѣтель — смиреніе и въ сердцѣ смиреннаго воплощается Богъ. И вослѣдъ за Божіею Матеріею вспоминаются пророки, апостолы, отцы Церкви въ томъ же порядкѣ, какъ изнимались за нихъ части на проскомидіи; потомъ — всѣ усопшіе, которыхъ помянникъ читаетъ діаконъ, потомъ живущіе, начиная съ тѣхъ, на которыхъ возложены важнѣйшія обязанности и высшія,—съ право правящихъ слово истины духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, отъ государя: [да пособить ему Господь на трудномъ его поприщѣ во всякомъ дѣлѣ общаго добра, и да въ союзномъ стремленіи ко благу отвѣтствуетъ ему весь государственный корабль управленія, палата власти, воинства, исполняя честно долгъ, «да и мы, въ тишинѣ ихъ, тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». И о всѣхъ предстоящихъ христіанамъ до единого молится въ это время іерей, чтобы Милостивый на всѣхъ излилъ Свои милости, сокровища ихъ исполнилъ блага, супружества ихъ соблюлъ бы въ единомысліи и мирѣ, младенцевъ воспиталъ бы, юность наставилъ, старость поддержалъ, малодушныхъ утѣшилъ, расточенныхъ собралъ, прельщенныхъ

обратилъ и совокупилъ святой Своей соборной и апостольской Церкви. И обо всѣхъ до послѣдняго христіанина въ это время молится смиренно іерей, гдѣ бы такой христіанинъ ни находился] — въ пути ли онъ, въ дорогѣ, въ плаваніи, путешествіи, страдаетъ ли въ недугѣ, томится ли въ заточеньи, въ рудахъ и пропастьяхъ земли. Обо всѣхъ до едина молится въ это время вся церковь и каждый изъ предстоящихъ, сверхъ этого общаго моления обо всѣхъ, молится еще о всѣхъ своихъ, близкихъ своему сердцу, всѣхъ ихъ поименовывая предъ лицомъ тѣла и крови Господней. И возглашаетъ громко священникъ изъ алтаря: «И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ церковь. Священникъ возглашаетъ: «И да будутъ милости Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами!» Ему отвѣтствуютъ: «и со духомъ твоимъ». И симъ оканчиваются моленія о всѣхъ, составляющихъ Церковь Христову, совершаемая передъ лицомъ самаго тѣла и самой крови Христовой.

Діаконъ восходитъ на амвонъ воздвигнуть моленія о самыхъ дарахъ, уже принесенныхъ Богу и пресуществленныхъ, да не въ судъ и въ осужденіе обратятся. Подъявъ орарь тремя перстами десныя

руки своей, такъ восперяетъ онъ всѣхъ къ молитвѣ:
«Вся святія помянувшѣ, вновь и вновь миромъ
Господу помолимся!» И воспѣваетъ ликъ: «Господи,
помилуй!» — «О принесенныхъ и освященныхъ
честныхъ дарахъ Господу помолимся». И воспѣваетъ
ликъ: «Господи, помилуй!» — «Яко да
Человѣколюбецъ Богъ нашъ», взываетъ діаконъ:
«пріавъ ихъ во святыи превышенебесный и
мысленный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія
духовнаго, возниспослетъ намъ божественную
благодать и даръ Духа Святаго, помолимся». И
воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!» — «О
избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды
Господу помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи,
помилуй!» — «Заступи, спаси, помилуй и сохрани
насъ, Боже, Твоею благодатию!» И взываетъ ликъ:
«Господи, помилуй!» — «Дня всего совершеннаго,
всего святаго, мирнаго, безгрѣшнаго у Господа
просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» —
«Ангела мирнаго, вѣрнаго наставника, хранителя душъ
и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ». И воспѣваетъ
ликъ: «Подай, Господи!» — «Прощенія и оставленія
грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ».
И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Добрыхъ и
полезныхъ душамъ нашимъ и мира міру у Господа
просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» —
«Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи

скончати у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ просимъ!» И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» И произноситъ діаконъ, уже не призывая въ помощь святыхъ, но обращая всѣхъ прямо ко Господу: «Соединеніе вѣры и причастіе Святаго Духа испросивши, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И воспѣваютъ всѣ въ полной и совершенной преданности: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ же намѣсто троичнаго славословія возглашаетъ: «И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣть призывать Тебя, небеснаго Бога Отца, и глаголати». И всѣ вѣрные въ эту минуту не какъ рабы, исполненные страха, но какъ дѣти, какъ чистые младенцы, доведенные самими молениями и всею службою и постепеннымъ ходомъ ея святыхъ обрядовъ до того небесно-умиленнаго, ангельскаго состоянія души, въ которомъ можетъ прямо говорить человѣкъ съ Богомъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ отцомъ, произносятъ сію молитву Господу: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ

нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго».

Все обняла собою сія молитва, и въ ней все заключилось, что намъ нужно. Прошеньемъ: «да святится имя Твое»; просится первое, о чемъ прежде всего мы должны просить: гдѣ святится Божіе имя, тамъ всѣмъ хорошо, тамъ, значитъ, всѣ [въ] любви живутъ, ибо любовью только святится имя Божіе. Словами: «да приидетъ царствіе Твое», вызывается царство правды на землю, ибо безъ прихода Божія не быть правдѣ: ибо Богъ есть правда. Къ словамъ: «да-будетъ воля Твоя», приводитъ человѣка и вѣра, и разумъ: чья же воля можетъ быть прекраснѣй Божіей воли? Кто же лучше Самого Творца знаетъ, что нужно Его творенію? Кому же ввѣрится, какъ не Тому, Который весь есть благотворящее благо и совершенство? Словомъ: «даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный», просимъ мы всего, что нужно для дневного существованья нашего, хлѣбъ же нашъ есть Божія Премудрость, есть Самъ Христосъ. Онъ Самъ сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ, и ядый Меня не умретъ». Словомъ: «остави намъ долги наша», мы просимъ о снятіи съ насъ всѣхъ тяжкихъ грѣховъ нашихъ, на насъ тяготящихся,—просимъ прощенія намъ всего того, чѣмъ задолжали мы Самому Творцу въ лицѣ братій нашихъ, Который ежедневно и ежеминутно въ образѣ ихъ протягиваетъ намъ руку Свою,

надрывающимъ всю душу воплемъ умоляя о милости и милосердіи. Словомъ: «не введи насъ во искушеніе», мы просимъ о избавленіи насъ отъ всего смущающаго духъ нашъ и отъемлющаго у насъ душевное спокойствіе. Словомъ: «но избави насъ отъ лукаваго», мы просимъ о небесной радости: ибо какъ только отступаетъ отъ насъ лукавый, радость уже вдругъ входитъ въ нашу душу, и мы уже на землѣ, какъ на небесахъ.

Такъ все заключаетъ въ себѣ и все объемлетъ собою сія молитва, которою молиться научила насъ Сама Премудрость Божія, и кому же молиться? молиться Отцу Премудрости, породившему Премудрость Свою прежде вѣковъ. Такъ какъ всѣ предстоящіе должны повторять въ себѣ молитву сію не устами, но самой чистой невинностью младенческаго сердца, то и самое пѣнье ея на ликахъ должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, какъ бы лобзающими самую душу, должна воспѣваться сія молитва, да весеннее дыханіе самихъ небесъ въ ней слышится, да лобзаніе самихъ ангеловъ въ ней носится, ибо въ молитвѣ этой уже не называемъ мы и Богомъ Того, Кто сотворилъ насъ, а говоримъ Ему просто: «Отче нашъ!»

Іерей привѣтствуетъ изъ глубины алтаря какъ бы привѣтствіемъ Спасителя: «Миръ всѣмъ!» Ему

отвѣтствуютъ: «И духови твоему!» Напоминая о сердечномъ внутреннемъ исповѣданіи, которое долженъ всякій совершить внутри самого себя въ сію минуту, діаконъ взываетъ: «Главы ваши Господеви преклоните!» И, преклонивъ главы свои, всѣ до единого изъ предстоящихъ произносятъ въ себѣ почти такую молитву: «Тебѣ, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповѣданіи сердечномъ вопію: Грѣшенъ, Господи, и недостойнъ просить у Тебя прощенія, но Ты, какъ Человѣколюбецъ, такъ же ни за что, какъ блуднаго сына, меня помилуй, какъ мытаря меня оправдай и удостой меня, какъ разбойника, Твоего небеснаго царства». И когда всѣ такимъ образомъ, преклонивъ главы свои, пребываютъ въ внутреннемъ сокрушеніи сердечномъ, іерей молится у алтаря за всѣхъ такими, внутри самого себя произносимыми словами: «Благодаримъ Тебя, Царю невидимый, иже неисчетною Твоею силою вся содѣлывалъ еси, и множествомъ милости Твоей отъ небытія въ бытіе вся привелъ еси, Самъ, Владыко, съ небесъ призри на преклонившихъ Тебѣ главы своя, ибо подклонили они ихъ не плоти и крови, но Тебѣ, страшному Богу. Ты же, Владыко, все, чтò предлежитъ намъ, изравняй во благо намъ, каждому по потребности его: плавающимъ сплавай, путешествующимъ спутешествуй, недугующія исцѣли, Врачу душъ и тѣлесъ!» И возглашаетъ вслѣдъ за тѣмъ

великолѣпное троичное славословіе, обращенное къ небесной милости Божіей: «Благодатию, и щедротами, и челоуѣколюбіемъ Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» Ликъ возглашаетъ: «аминь». А священникъ, приуготовляя къ приобщенію себя самого и всѣхъ потомъ тѣла и крови Христовой, молится такою тайною молитвою: «Вонми, Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего и отъ престола славы царствія Твоего! Прииди освятить насъ, горѣ съ Отцомъ сидящій и здѣсь невидимо намъ спребывающій, и сподоби державной рукою Твоею преподать намъ [священникамъ] пречистое тѣло Твое и честную кровь Твою, а нами всѣмъ Твоимъ людямъ».

Во время глаголанія сей молитвы діаконъ готовится къ причащенію: становится передъ царскими вратами, опоясуя себя ораремъ и складывая его крестовидно на себѣ въ подобіе ангеловъ, крестовидно складывающихъ на себѣ крылья и закрывающихъ ими лица свои передъ неприступнымъ свѣтомъ божества. Поклоняясь три раза, такъ же какъ и священникъ, произноситъ онъ три раза въ себѣ: «Боже, очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» Когда же священникъ простретъ руки свои къ святому дискусу, воздвигающимъ словомъ «вонмемъ»

напоминаетъ онъ всѣмъ во храмѣ къ устремленію мысли на происходящее. Алтарь сокрывается отъ глазъ народа, завѣса задергивается, да совершится прежде приобщеніе самихъ іереевъ. Одинъ только голосъ іерея, подъемлющаго святой дискось, «Святая святымъ» раздается изъ алтаря. Содрогаясь отъ сего возвѣщенія, говорящаго, что нужно быть святымъ для принятія святыни, весь молящійся храмъ отвѣтствуетъ ему: «Единъ Святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца», и воспѣвается вслѣдъ за тѣмъ хвалебный гимнъ святому, его же день, въ возвѣщенъе, что можно быть святу человѣку, такъ же какъ сталъ святъ святой, которому гимнъ поется: сталъ святъ онъ не своей святостью, но святостью Самого Христа. Пребываньемъ во Христѣ святится человѣкъ и въ такія минуты пребывания святъ, какъ Самъ Христосъ, подобно какъ желѣзо, когда пребываетъ въ огнѣ, становится и само огонь и потухаетъ вмигъ, какъ только изъемлется изъ огня, и становится вновь темнымъ желѣзомъ.

Священникъ раздробляетъ теперь святой хлѣбъ, сначала по знаку, начертанному на проскомидіи, на четыре части, съ благоговѣніемъ произнося: «раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящай причащающіяся». И сохранивъ одну изъ сихъ частей для приобщенія

себя и діакона святаго тѣла въ видѣ, несоединенномъ еще съ кровію, дробить потомъ части хлѣба по числу приобщающихся, но не дробится въ семъ дробленіи самое тѣло Христово, котораго и кость не сокрушилась, и въ малѣйшей частицѣ сохраняется тотъ же всецѣлый Христосъ, какъ въ каждомъ членѣ нашего тѣла присутствуетъ та же человѣческая душа нераздѣльная и всецѣлая, какъ въ зеркалѣ, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусковъ, сохраняется отраженіе тѣхъ же предметовъ даже въ самомъ малѣйшемъ кускѣ. Какъ въ звукъ насъ огласившемъ, сохраняется то же единство его, и остается онъ тотъ же самый единый всецѣлый звукъ, хотя и тысячи ушей его слышали. Но въ чашу не погружаются всѣ тѣ части, которыя были вынуты на проскомидіи во имя святыхъ, во имя усопшихъ и во имя нѣкоторыхъ живущихъ. Они остаются до времени еще на дискосѣ; только частями, составляющими тѣло и кровь Господню, приобщается церковь. Въ первоначальныя времена Церкви причащались ими въ видѣ несоединенномъ, какъ нынѣ приобщаются у насъ одни іереи, и каждый, приѣмля, въ руки тѣло Господа, испивалъ потомъ самъ изъ чаши. Но когда,— безчинствомъ невѣжественныхъ новообращенныхъ христіанъ, ставшихъ только по имени христіанами,— начали уносить святыя дары въ дома свои, употребляя ихъ въ суевѣрія и колдовства, или же

безчинно обращаться съ ними тутъ же во храмѣ, толкая, другъ друга, производя шумъ и даже проливая святыя дары, когда нашлись въ необходимости отцы многихъ Церквей отмѣнить вовсе пріобщеніе крови для всего народа, замѣнивъ его хлѣбнымъ знакомъ облатки, какъ сѣдала то у себя католическая западная Церковь, — тогда Святый Іоаннъ Златоустъ, чтобы не случилось и въ Церкви восточной того, установилъ преподавать народу кровь и тѣло не порознь, но въ соединенномъ видѣ, и не давать ему ни того, ни другого въ собственныя руки, но преподавать святой ложкой, имѣющей образъ тѣхъ клещей, которыми огненный серафимъ прикоснулся устамъ пророка Исаи, дабы наполнить всѣмъ, какого рода то прикосновеніе, которое готово прикоснуться устамъ, дабы увидѣлъ ясно всякъ, что сей святой ложкой держитъ іерей тотъ горящій уголь, который схватилъ таинственными клещами серафимъ отъ самого жертвенника Божія, дабы единымъ только прикосновеніемъ его къ устамъ пророка отъять отъ него всѣ грѣхи его. Тотъ же самый Златоустъ, чтобы удалить съ тѣмъ вмѣстѣ всякую мысль о томъ, что сіе соединеніе тѣла и крови воедино и вмѣстѣ дѣлается произвольно іереемъ, ввелъ въ минуту самаго соединенія ихъ вмѣстѣ влітіе теплой воды въ сосудъ, знаменующее теплотворную благодать Духа Святаго, изливаемую въ разрѣшеніе такого

соединенія, почему и произносится при этомъ діаконъ: «Теплота вѣры, исполнь Духа Святаго». А на самое влитіе теплоты призывается благословленіе Того же Духа Святаго, чтобы ничто не совершилось при этомъ безъ благословенія Самого Господа, чтобы въ то же время и теплота послужила подобіемъ теплотѣ крови, давая самимъ вкушеніемъ ея чувствовать всякому, что не отъ мертваго тѣла, изъ котораго не истекаетъ теплая кровь, но отъ живого, животворящаго и животворнаго тѣла Господня онъ ее пріемлетъ, чтобы и здѣсь онъ слышалъ возвѣщеніе того, что и отъ мертваго тѣла Господня не отступила божественная душа и было дѣйствъ Духа оно полно, и божество съ нимъ не разлучалось.

Пріобща вначалѣ себя, потомъ діакона, служитель Христовъ предстоить новымъ человѣкомъ, какъ очищенный святынею пріобщенія отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній, какъ святой истинно въ эту минуту и какъ достойный пріобщать другихъ.

Врата царскія разверзаются, діаконъ возноситъ торжественный гласъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!» И всѣмъ предстоить преображенный серафимъ съ святой чашей въ рукахъ — іерей; во святыхъ вратахъ стоящій.

Горя желаніемъ Бога, сгарая любовнымъ пламенемъ къ Нему, сложивъ руки крестомъ на груди своей, одинъ за другимъ подступаютъ къ нему

приобщающіеся и, преклоня главу, повторяетъ всякъ въ себѣ сіе исповѣданіе Распятаго:

«Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христось, Сынъ Бога Живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъже первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе самое есть пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя, молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинствъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». И остановившись на одно мгновеніе, дабы объять мыслию значеніе того, къ чему приступаетъ, продолжаетъ глубиной сердца своего повторять послѣдующія слова:

«Вечери Твоя тайныя днесъ, Сыне Божій, причастника меня приими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іюда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя: помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ». И совершивъ одинъ мигъ благоговѣйнаго молчанія въ себѣ, продолжаетъ: «Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла».

И прочитавъ сіе исповѣданіе, уже не такъ, какъ къ іерею, но какъ къ самому огненному серафиму,

приступаетъ каждый, готовясь раскрытыми устами принять съ святаы ложки тотъ огнепальный уголь святаго тѣла и крови Господа, который долженствуетъ въ немъ попалить, какъ тлѣнный хворостъ, весь черный дрызгъ его прегрѣшеній, изгнавъ вѣчную ночь изъ души его, превративъ его самого въ просвѣтленнаго серафима. И когда, подъявъ святую ложку надъ устами его и упомянувши его, произнесетъ іерей: «Причащается рабъ Божій честныя и святаы крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную», пріемлетъ онъ тѣло и кровь Господа, и въ нихъ пріемлетъ минуту свиданья съ Богомъ, становясь лицомъ къ лицу къ Нему Самому. Въ минутѣ этой нѣтъ времени, и ничѣмъ не отличается она отъ самой вѣчности, ибо въ ней пребываетъ Тотъ, Кто есть начало вѣчности. Пріявъ въ тѣлѣ и крови сію великую минуту, исполненный святаго ужаса стоитъ пріобщившійся: святымъ воздухомъ осушаются уста его при повтореніи серафимскихъ словъ пророку Исаіѣ: «Се прикоснуса устнамъ твоимъ и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ». Самъ святой, возвращается онъ отъ святаы чаши, поклоняясь святымъ, ихъ привѣтствуя, и поклоняясь всѣмъ предстоящимъ, какъ ближайшимъ въ нѣсколько разъ своему сердцу, чѣмъ дотолѣ, какъ связавшихся теперь съ нимъ узами святаго небеснаго

родства, и становится потомъ на свое мѣсто, исполненный той мысли, что принялъ въ себя Самого Христа и что Христосъ въ немъ, [что] Христосъ сошелъ Своею плотью, какъ во гробъ, къ нему въ утробу, дабы, проникнувъ потомъ въ тайное хранилище сердца, воскреснуть въ духъ его, совершая въ немъ самомъ и погребенье, и воскресенье Свое. Сіяетъ свѣтомъ сего духовнаго воскресенья вся церковь, и воспѣвають пѣвцы сіи лукующія пѣсни:

«Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Иисусу, Единому Безгрѣшному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Приидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо прииде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши». И подобно ангеламъ, соединяющимся въ это время:

«Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне; Ты же Чистая красуйся Богородице о возстаніи рождества Твоего. О пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте и словѣ Божій и сило! подавай намъ истѣе Тебе причащатися, въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!»

Въ продолженіе же того, какъ воскресными пѣснями оглашается ликующая церковь, священникъ въ закрытомъ алтарѣ, постановивъ святую чашу на святую трапезу, которая, такъ же какъ и дискось, покрывается вновь покроями, произноситъ благодарственную молитву Самому благодѣтелю душъ Господу за удостоеніе приобщиться небесныхъ и безсмертныхъ Его таинствъ и заключаетъ ее прошеніемъ, да исправитъ путь нашъ, утвердитъ насъ всѣхъ въ священномъ страхѣ къ нему, соблюдетъ житіе наше и содѣлаетъ твердыми стопы наши.

И разверзаются затѣмъ въ послѣдній разъ царскія врата, возвѣщая разверзаньемъ своимъ разверзанье самого царствія небеснаго, которое доставилъ Христосъ всѣмъ принесеньемъ Самого Себя въ духовную снѣдь всему міру. Въ видѣ святой чаши, износимой діакономъ въ сопровожденіи словъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», и въ ея отнесеніи изображается исходъ Самого Господа къ народу, дабы возвести ихъ всѣхъ съ Собою въ домъ Отца Своего. Громомъ торжественнаго пѣснопѣнья гремитъ весь ликъ въ отвѣтъ; «Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ!» И громомъ пѣснопѣнья духовнаго, исходящаго изъ глубины возрастающаго духа, со-воспѣваетъ ему вся церковь. Священникъ же, благословивъ предстоящихъ словами: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови

достояніе Твое»,—ибо предполагаетъ, что всѣ по чистотѣ въ эту минуту обратились въ собственное достояніе Божіе,—устремляется мыслью къ вознесенію Господню, которымъ завершилось Его пребыванье на землѣ: становится вмѣстѣ съ діакономъ предъ святымъ престоломъ и, поклоняясь, кадитъ онъ въ послѣдній разъ, и кадя произноситъ въ себѣ: «Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя», между тѣмъ какъ ликъ восторгающимъ пѣснопѣніемъ и звуками, сіяющими весельемъ духовнымъ, стремится просвѣтленныя души всѣхъ предстоящихъ къ произнесенію вослѣдъ за нимъ сихъ словъ самой радости духовной: «Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, Нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, Та бо насъ спасла есть».

Діаконъ показывается въ святыхъ дверяхъ съ святымъ дискосомъ на главѣ, не произнося ни одного слова: безмолвнымъ воззрѣніемъ своимъ на все собраніе и уходомъ знаменуетъ удаленіе отъ насъ и вознесеніе Господне. Вослѣдъ за діакономъ показывается въ святыхъ дверяхъ іерей съ святою чашею и возвѣщаетъ пребываніе съ нами до скончанія вѣковъ вознесшагося Господа словами: «Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ», послѣ чего и чаша, и дискось относятся вновь на боковой жертвенникъ, на которомъ совершалась проскомидія,

который изобразуетъ теперь уже не вертепъ, видѣвшій рожденіе Христово, но то верховное мѣсто славы, гдѣ совершился возвратъ Сына въ Отчье.

Здѣсь вся церковь, предводимая поющимъ ликомъ, соединяется въ одно торжественно-благодарное пѣніе душъ своихъ; и сіи суть слова ея восхваленія: «Да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою, яко сподобилъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ тайнамъ: соблюди насъ во Твоей святыни, весь день поучатися правдѣ Твоей!» И воспѣваетъ троекратно вослѣдъ за тѣмъ хоръ пѣвцовъ воздвигающее слово: «аллилуія», говорящее имъ непрестающее хожденіе и всюду пребываніе Божіе. Діаконъ же восходитъ на амвонъ воздвигнуть въ послѣдній разъ предстоящихъ къ моленіямъ благодарственнымъ. Подъявъ орарь тремя перстами руки своей, говоритъ онъ: «Прости, пріимше божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ, безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ, страшныхъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаримъ Господа». И благодаря сердца, воспѣваютъ всѣ тихо: «Господи, помилуй!» — «Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!» взываетъ въ послѣдній разъ діаконъ. И воспѣваютъ всѣ: «Господи, помилуй!» — «День весь совершенъ святъ, миренъ и безгрѣшенъ испросивши, сами себя и другъ

друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И съ покорностію кроткой младенца, въ небесной довѣренности къ Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!» А священникъ, складывая въ это время антиминосъ и съ евангеліемъ въ рукахъ, ознаменовавъ, возглашаетъ троичное славословіе, которое, озарявъ доселѣ, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослуженія, и теперь вспыхиваетъ еще сильнѣйшимъ свѣтомъ въ просвѣтившихся душахъ; и такое на сей разъ обращеніе троичнаго славословія: «Яко Ты еси освященіе наше, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ».

Затѣмъ священникъ приступаетъ къ боковому жертвеннику, на которомъ постановлены чаша и дискосъ. Всѣ тѣ частицы, которыя оставались доселѣ на дискосѣ и были вынуты на проскомидіи въ воспоминаніе святыхъ, въ упокой усопшихъ и въ душевное здравіе живущихъ, теперь погружены во святую чашу и въ семъ дѣйствиіи ихъ погруженія пріобщается тѣлу и крови Христовой вся Церковь Его — и та, которая еще странствуетъ и воинствуетъ на землѣ, и та, которая уже торжествуетъ на небесахъ: Богоматерь, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, всѣ грѣшные, за которыхъ были вынуты части, на землѣ живущіе и отошедшіе, пріобщаются въ эту минуту

тѣлу и крови Христовой. И священникъ, предстоя въ такую минуту предъ Богомъ, какъ представитель всей его Церкви, испиваетъ изъ чаши сіе причащеніе всѣхъ и пріемля въ себя пріобщеніе всѣхъ, молится о всѣхъ, да омыются грѣхи ихъ, ибо за искупленіе всѣхъ принесена жертва Христомъ, какъ за тѣхъ, которые жили до Его пришествія, такъ и за тѣхъ, которые жили по пришествіи Его. И какъ бы ни была грѣшна молитва его, но священникъ возноситъ ее за всѣхъ, даже за самихъ святѣйшихъ, ибо, какъ сказалъ Златоустъ, общее предлежитъ очищеніе вселенныя.

Церковь повелѣваетъ о всѣхъ возносить всеобщую молитву; высокое значеніе такой молитвы и ея строгая надобность узнались не мудрецами міра и не совопросниками вѣка, но тѣми верховными людьми, которые высокимъ духовнымъ совершенствомъ и небесно-ангельской жизнью дошли до познанія глубочайшихъ душевныхъ тайнъ и видѣли уже ясно, что разлуки нѣтъ между живущими въ Богѣ, что минутной тлѣнностью нашего тѣла не прекращаются сношенія, и что любовь, завязанная на землѣ, приходитъ въ бѣольшую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви. И все, что ни истекаетъ изъ Христа, то вѣчно какъ вѣченъ самъ источникъ, изъ котораго оно истекаетъ.

Слышали также они высшими органами чувствъ своихъ, что и на небесахъ торжествующая Церковь долженствуетъ молиться и молится также о странствующихъ на землѣ братьяхъ своихъ; слышали они, что Богъ предоставилъ, какъ лучшее изъ наслажденій, наслажденье молиться, ибо ничего не совершаетъ Богъ и ничему не благодѣтельствуетъ, не дѣлая участникомъ въ самомъ совершеніи и въ самомъ благодѣянніи своемъ свое твореніе, да насладится оно высокимъ блаженствомъ благодѣанія: несетъ ангелъ Его повелѣніе и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что несетъ Его повелѣніе. Молится на небесахъ святой о братьяхъ своихъ на землѣ и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что молится. И все соучаствуетъ съ Богомъ во всѣхъ высочайшихъ Его наслажденіяхъ и блаженствахъ: милліоны совершеннѣйшихъ твореній исходятъ изъ рукъ Божіихъ, дабы участвовать въ высшихъ и высшихъ блаженствахъ, и нѣтъ имъ конца, какъ нѣтъ конца Божьимъ блаженствамъ. Испивъ изъ чаши пріобщеніе всѣхъ съ Богомъ, іерей выноситъ народу тѣ просфоры, отъ которыхъ были отдѣлены и изъяты частицы, и симъ сохраняетъ высокій древній образъ трапезы любви, исполнявшійся христіанами первыхъ временъ. Хотя и не накрывается теперь для этого столъ, по причинѣ того, что невѣжественными христіанами, безумнымъ

буйствомъ ихъ ликованій, словами раздора, а не любви, давно была опозорена святыня этого трогательнаго небеснаго пиршества въ самомъ дому Божіемъ, на которомъ всѣ пировавшіе были святы, какъ одна душа были души ихъ, и, чистые младенцы сердцемъ, вели они такую бесѣду, какъ бы у Самого Бога были на небесахъ; хотя сами церкви увидѣли строгую надобность уничтожить это, и самое воспоминанье объ этой трапезѣ исчезнуло во многихъ церквахъ; но несмотря на то одна Восточная Церковь не могла рѣшиться на уничтоженіе вовсе такого обряда, и въ раздачѣ святаго хлѣба посреди церкви всему народу совершаетъ ту же святую трапезу любви. А потому всякъ пріемлющій просфору и пріемлетъ ее, какъ хлѣбъ отъ того пиршества, за которымъ Самъ Хозяинъ міра бесѣдовалъ съ людьми своими,— а потому вкушалъ бы благоговѣнно, представляя себя окруженнаго всѣми людьми, какъ нѣжнѣйшими братьями своими,— и такъ же, какъ было въ обычаѣ первоначальной церкви, вкушаетъ его прежде всякой другой пищи, или относитъ въ домъ свой домашнимъ, или же отправляетъ больнымъ, неимущимъ и тѣмъ, которые почему-нибудь не могли быть на то время въ церкви.

Раздавъ Святый хлѣбъ, священникъ творить отпущекъ литургіи и благословляетъ весь народъ словами: «Христосъ, Истинный Богъ нашъ,

молитвами Пречистыя Своея Матери, молитвами отца нашего архіепископа Іоанна Златоуста (если литургія Златоуста идетъ день-въ-день), молитвами святаго [и называетъ по имени святаго, его же день] и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человеколюбецъ». Народъ, знаменуясь крестомъ и поклоняясь, расходится при громкомъ пѣніи лика, многолѣтствующаго императора.

Священникъ въ алтарѣ совлекается отъ одѣяній своихъ, произнося: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего», и сопровождая разоблаченіе хвалебными тропарями, гимнами отцу и святителю церковному, котораго служилась литургія, и той Пречистой Святой Дѣвѣ, въ которой совершилось вочеловѣченіе Того, Кому служилась вся литургія. Діаконъ въ это время потребляетъ все оставшееся въ чашѣ и потомъ, наливъ въ нее вина и воды и всполоснувъ внутреннія стѣны ея, испиваетъ, осушивъ тщательно губкой, дабы ничто не оставалось, слагаетъ святыя сосуды вмѣстѣ, покрывъ и обвязавъ ихъ, и подобно священнику говоритъ: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего», повторяя тѣ же пѣсни и молитвы. И оба выходятъ наконецъ изъ храма, неся сіяющую свѣжесть въ лицѣ, радость ликующую въ духѣ, благодареніе Господу на устахъ своихъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Дѣйствіе божественной литургіи надъ душою велико: зримо и въ очью совершается, въ виду всего свѣта, и скрыто. И если только молившійся благоговѣнно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ, покорный призванью діакона,—душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христова благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Примется ли онъ за обыкновенное теченіе своихъ дѣлъ въ службѣ ли, въ семьѣ, гдѣ бы ни было, въ какомъ бы ни было, сохраняетъ невольно въ душѣ своей высокое начертанье любовнаго обращенія съ людьми, принесеннаго съ небесъ Богочеловѣкомъ. Онъ невольно становится милостивѣй и любовнѣй съ подчиненнымъ. Если самъ подѣ властью другого, то

охотнѣй и любовнѣй ему повинуется какъ Самому Спасителю. Если видитъ просящаго помощи, сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать, чувствуетъ онъ больше (наслажд), [съ] любовью даетъ онъ неимущему. Если онъ неимущій, онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даяніе: растроганное сердце его теряется въ благодарности, и никогда съ такой признательностью не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе божественную литургію, выходятъ кротче, милѣе въ обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ.

А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщеніе божественной литургіи и внимательное слушанье: она нечувствительно строитъ и создаетъ человѣка. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату. А потому кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ, сколько можно чаще, присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостойнъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителемъ, какъ пріобщаются

другіе, чтобъ незамѣтно, нечувствительно становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе божественной литургіи, если бы человѣкъ слушалъ ее съ тѣмъ, [чтобы] вносить въ жизнь слышанное.

Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ звенья, отъ царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говорить одно, не однимъ и тѣмъ же языкомъ, всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущагося, пища, жизнь всего.

Но если божественная литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, тѣмъ еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя, или іерея. Если только онъ благоговѣнно совершаетъ ее со страхомъ, вѣрой и любовью, то ужъ весь онъ чистъ, подобно сосудамъ, которые уже ни на что потомъ; пребываетъ ли онъ весь тотъ день въ отправленіи своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли посреди своихъ домашнихъ, или посреди своихъ прихожанъ, которые суть также семья его,—Самъ Спаситель въ немъ вообразится, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ; и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли склонять онъ на примиренье между собой враждующихъ, будетъ ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго,

иди утѣшать скорбящаго, или къ терпѣнью угнетеннаго, или,— слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго еля и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

Дорогие братья и сестры!

Работа над этим электронным изданием не преследует каких-либо коммерческих целей и не предполагает цели иные, кроме признания в любви к великому русскому писателю, восхищения его книгой и его духовным поиском на пути к Богу.

Издание готовилось „для себя“ и какое-либо его распространение не предполагалось, потому прошу простить всё его несовершенство и строго меня не судить.

Очень хочется продолжить работу над этой публикацией, выверить её текст, сделать её типографически более красивой. И сделать более полной, добавив комментарии Николая Тихонравова из десятого издания сочинений Н. В. Гоголя, выпущенного в 1889 году. (Но к великому сожалению, пока мне не довелось ни увидеть и подержать в руках 4-й том, где были напечатаны „Размышления...“, ни найти его электронные или факсимильные копии.)

Буду очень признателен, если вы найдёте время и возможность сообщить о замеченных в тексте опечатках, а они, конечно-же, есть, особенно пунктуационные, на мою электронную почту:

imc@mail.ru

А.Е.